МИРА МОРРИГАН

ЗАКОН МЕРФИ

Дорога домой

18+

Мира Морриган

Закон Мерфи. Дорога домой

«Автор»
2026

Морриган М.

Закон Мерфи. Дорога домой / М. Морриган — «Автор», 2026

После гибели подруги Лин берётся довезти троих её детей до военной базы. Безопасного маршрута нет. На дорогах бродят кусачие — заражённые вирусом люди. Встреча с ними может стоить жизни.Помощь предлагает Блейк Мерфи. При первой встрече он держал Лин на мушке, а теперь предлагает сделку. Он берётся доставить Лин и детей до базы, если она там за него поручится. Ему нужно укрытие, где его никто не найдёт.В дороге Лин всё чаще приходится на него полагаться. Но можно ли доверять человеку, который столько о себе умалчивает?Постапокалиптическое приключение с романтической линией.

© Морриган М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Новая жизнь 5
Глава 2. Пробитый бак 17
Глава 3. Туманная тропа 27
Глава 4. Билет отсюда 39
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Мира Морриган
Закон Мерфи. Дорога домой

Глава 1. Новая жизнь

— Только тихо, — шёпотом напоминаю я.

Шэрон ничего не говорит и даже не закатывает глаза, хотя я повторяю это уже сотый раз. Я знаю, что надоедаю ей, но каждый раз всё равно прошу быть тише.

Придерживаю обрезанную сетку, пока Шэрон пролезает через дыру, и ещё раз оглядываю пустой задний двор между одноэтажными кирпичными домами.

Сколько себя помню, я привыкла рассчитывать на себя. Матери рано стало не до меня, и в тринадцать я уже убирала соседские дворы, стригла газоны и выгуливала собак, чтобы хватало на еду и вещи. В семнадцать она с очередным ухажёром вышвырнула меня из дома, и мне пришлось снять крошечную комнату по поддельным документам. По крайней мере, там я могла запереть дверь и не ждать, что кто-то велит мне убираться.

В двадцать один год я потеряла сознание прямо на работе. Сначала решила, что просто переутомилась. Оказалось, у меня диабет первого типа. С тех пор я сначала откладывала деньги на инсулин, а чтобы хватало на всё остальное, работала больше, чем могла выдержать. Сейчас мне двадцать пять. Я умею экономить еду, патроны и лекарства, но с инсулином труднее всего. Как ни берегу запас, его всё меньше.

Когда мир изменился, одной стало опасно. Теперь рядом со мной люди, которых я ещё слишком мало знаю, чтобы полностью им доверять. Я понимаю, что без них мне будет хуже, но по привычке всё проверяю и решаю сама. Вот и сегодня я просила Шэрон остаться, а она снова пошла со мной.

Ныряю следом и слышу тихий стон. Шэрон выпрямляется, прижимая ладонь к животу поверх джинсового комбинезона. В другой руке она держит монтировку.

— Ты как? — беспокоюсь я, перехватывая поудобнее в руках бейсбольную биту.

— Перестань, Лин. Я беременна, а не больна, — отвечает она и бросает на меня осуждающий взгляд.

— Да, но ты вот-вот родишь. И если ребёнок намеревается увидеть свет сейчас, то это совсем некстати. — Я скептически осматриваю её живот.

Каждая вылазка начинается со спора: Шэрон на десять лет старше и считает, что обязана меня опекать, а я никак не могу убедить её поберечь себя. Из нас двоих пистолет есть только у меня, хотя в живую цель я стреляла всего однажды, а весь остальной опыт получила в тире. Но как бы я ни злилась на её упрямство, мне легче, когда я слышу рядом её шаги. Признаваться в этом не хочется, особенно сейчас, когда я снова пытаюсь отправить её обратно.

— Тебе стоило всё же остаться в лагере, — уже спокойнее бросаю я, и в ответ слышу лишь недовольное цоканье.

Я подхожу к углу и выглядываю в пустой проулок. В этом городке жили около пятидесяти тысяч человек, но пока мы не встретили ни живых, ни кусачих. Где они теперь? Я вслушиваюсь в тишину, пытаясь разгадать её тайну, и невольно говорю тише.

— Нам нужны припасы, оружие и детские принадлежности. Одна ты всё это не унесёшь, — который раз убеждает меня Шэрон. — К тому же я не хочу думать о том, что ты… Что ты здесь одна… И можешь… Умереть или превратиться в одну из этих. Без тебя я точно не справлюсь.

Я оборачиваюсь, смотрю женщине прямо в глаза и немного хмурюсь.

— Не говори глупости. Никто не собирается умирать. К тому же, я более-менее сносно могу за себя постоять, — говорю я и похлопываю по кобуре с пистолетом, прикреплённой к правой ноге.

Шэрон долго смотрит на меня, а затем заметно успокаивается и кивает в ответ. Мне бы её уверенность.

Отворачиваюсь от неё и крепче стискиваю биту. Пистолет хорош только на крайний случай: если кусачие сбегутся на выстрел, нам придётся бежать, а Шэрон с её огромным животом едва может быстро идти. Даже если я сумею уйти, она останется позади. От одной этой мысли ладони становятся влажными, и я перехватываю рукоять поудобнее.

Двигаюсь вдоль стены к главной улице, где должны быть офисы, магазины, аптека и, если нам повезёт, полицейский участок.

На главной улице бродят семеро кусачих, трое совсем близко, а остальные дальше, у перекрёстка. На них рваная одежда, на серой коже засохла кровь; у одного щека свисает лоскутом, открывая зубы. Я невольно задерживаю на нём взгляд и тут же отвожу, пока он не повернул голову. Сейчас они двигаются медленно, но я уже видела, как быстро это меняется, стоит им заметить человека.

Скольжу взглядом по зданиям и рядом с местным кинотеатром замечаю аптеку. Мне бы поискать там инсулин, но кусачие бродят прямо у входа. На другом конце улицы вижу кафе и детский магазин, а чуть дальше, на противоположной стороне, здание с табличкой «Ломбард». Почти везде побитые стёкла и покосившиеся двери, распахнутые настежь.

Я снова прячусь за стену и глубоко выдыхаю, пытаясь успокоить разогнавшееся сердце. Нужно следить за улицей, а я всё ещё вижу перед собой ту щёку и зубы. Поворачиваюсь к Шэрон, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Там кусачие, — говорю я тихо в сторону Шэрон и чувствую, как она напрягается. — Сейчас мы с тобой пойдём налево. На противоположной стороне есть детский магазин. Старайся двигаться вдоль машин. Ступай тихо и смотри под ноги. Там везде разбитое стекло. Ты иди первой, я следом — прикрою.

Жду кивка Шэрон и отлипаю от стены. Выйдя на улицу, чуть пригибаюсь и прячусь за первой машиной так, чтобы не терять кусачих из вида. Шэрон уже движется вдоль автомобилей, как я и просила.

Медленно иду за Шэрон вдоль припаркованных машин, покрытых тонким слоем пыли и грязи. С конца света прошло всего шестьдесят три дня и шестнадцать часов, а всё вокруг уже выглядит вымершим. Сквозь автомобильные стёкла поглядываю за кусачими, стараясь не выпускать из виду ни их, ни Шэрон. Пока никто не повернулся в нашу сторону.

Останавливаюсь рядом с Шэрон, которая приваливается к машине, тяжело дыша. Ей трудно идти пригнувшись, и сейчас она старается прижаться к кузову и не двигаться. Я смотрю на дорогу, прикидывая, сколько времени ей понадобится, чтобы пересечь её.

— Нам нужно перейти дорогу. Думаешь, они нас не заметят? — спрашивает она, с опаской поглядывая в сторону заражённых.

— Они медленно двигаются, возможно, давно не питались. Я выберу момент и скажу тебе, когда бежать.

Шэрон кивает. Я ловлю момент, когда ближние к нам кусачие отворачиваются, и тихо командую:

— Сейчас. Давай!

Следя за кусачими, перебегаю дорогу за Шэрон, и мы замираем у входа, пытаясь отдышаться как можно тише. Никто не повернулся, но я ещё несколько секунд смотрю на улицу, прежде чем взяться за дверь.

Дверь детского магазина поддаётся легко, только тихо скрипит в петлях. Мы заходим внутрь, осторожно переступая через немногочисленные осколки и оглядываясь по сторонам.

Кусачих не видно и не слышно; среди беспорядка ещё стоят на своих местах коробки и детские вещи.

Я не знаю, что нужно новорождённому, поэтому даю возможность Шэрон самой искать необходимые вещи среди того, что осталось. Я лишь хожу за ней с открытой спортивной сумкой, чтобы ей было удобнее складывать найденное.

Шэрон тихо бормочет себе под нос, и я ловлю отдельные слова: подгузники, баночки, соски… Смотрю, как она складывает крохотные вещи, молочную смесь, пелёнки и присыпку, и всё больше сомневаюсь, что мы сможем унести столько. Неужели всё это нужно человеку, который ещё даже не родился?

Потом в сумку отправляется слинг, как называет его Шэрон. С виду он похож на мешок с лямкой через плечо, и я не сразу понимаю, что с ним делать. Шэрон показывает, как его надевать, и объясняет, что так носят малышей, пока они ещё не держат голову. Шэрон работала акушеркой, так что я слушаю и стараюсь запомнить.

Кажется, она всё продумала, но сумка уже оттягивает мне руку, а Шэрон продолжает оглядывать полки. Я пробую поднять её повыше и сомневаюсь, что смогу долго идти с таким весом.

— Мне кажется, этого хватит, — говорю я. — По крайней мере, на первое время.

— Думаю, да, — задумчиво отвечает Шэрон. — Дай мне пять минут, ещё раз посмотрю, вдруг что-то забыла.

Я киваю и подхожу к окнам, снова глядя на ломбард. Полицейский участок мы так и не нашли, а искать его с Шэрон и тяжёлой сумкой я не собираюсь. В трёх предыдущих городах участки уже обчистили, не оставив ни оружия, ни раций, и здесь вполне может быть то же самое.

Но Шэрон не оставляет надежды найти рацию и связаться с бывшим мужем, военным. По её словам, он может вывезти нас в безопасное место, если ещё жив. Каждый раз, когда она говорит о нём, я хочу ей поверить, хотя понятия не имею, осталось ли где-нибудь такое место.

Я в рациях не разбираюсь, но сомневаюсь, что полицейская рация поможет найти человека за сотни миль отсюда. Шэрон всё равно ищет, а я не спорю. Не хочу лишать её того, за что она так упорно держится, пока ничего другого предложить не могу.

За два месяца мы ни разу не встретили военных, и это тоже странно. Может, они остались в больших городах?

— Всё, — отвлекает меня от раздумий Шэрон. — Что дальше? Аптека и участок?

— До аптеки не добраться, а участок, скорее всего, разграблен, как и остальные, — честно говорю я. — Хочу зайти в ломбард. Там, может, будет оружие.

— В ломбарде? — удивляется она. — Я думала, туда сдают всякий хлам и украшения, чтобы выручить деньги. Откуда там оружие?

— Чего там только не бывает. — Пожимаю плечами.

— Хорошо, — вздыхает Шэрон. — Но участок всё равно надо проверить.

— Я пойду туда завтра. Одна.

Несколько секунд смотрю на неё. Шэрон переводит взгляд на тяжёлую сумку, потом на улицу.

— Ты видела кусачих на улице, — продолжаю я. — Это только малая часть. Где остальные, мы не знаем. Лучше не рисковать.

— Хорошо, — всё же соглашается Шэрон.

Вешаю сумку на плечо, и мы, подхватив оружие, идём к ломбарду. Кроме тех кусачих на улице, больше никого не видно, но спокойнее мне не становится.

Дверь ломбарда даже не заперта и легко открывается, когда я толкаю её.

Внутри всё перевёрнуто, будто ломбард разграбили ещё в первые дни. В разбитых витринах ничего не осталось, зеркала на стенах тоже пострадали, и уцелевшие осколки искажают

отражения. Я ловлю в одном из них своё лицо и сразу отвожу взгляд, не желая рассматривать, как выгляжу.

Никакой техники или оружия не вижу. Остались нетронутыми только старые часы, статуэтки, книги и другие антикварные предметы. Теперь это никому не нужный хлам.

Пока Шэрон ходит между стеллажами, разглядывая предметы, я опускаюсь на колени за стойкой, где обычно стоит касса. Открываю шкафчики и провожу рукой по стенкам в поисках скрытого механизма, пока пальцы не нащупывают что-то под столешницей.

Появляется Шэрон, её лицо светится.

— Кажется, я кое-что нашла! — Она держит в руках коробку.

В этот момент я нажимаю на кнопку. Раздаётся щелчок, и из-под столешницы опускается ниша. Заглядываю внутрь и впервые за долгое время позволяю себе улыбнуться.

— Похоже, нам везёт, — говорю я и достаю из ниши укороченную винтовку и небольшой револьвер. Чуть глубже лежат коробки патронов.

Показываю находку Шэрон, затем убираю револьвер за пояс, вешаю винтовку через плечо и кидаю патроны в сумку.

— А у тебя что?

— Спутниковый телефон. Надеюсь, рабочий.

— Это лучше рации? — спрашиваю я.

— Конечно! У нас был такой на экстренный случай, когда Майкл уезжал далеко и надолго. — Шэрон торопливо пытается открыть коробку, но пальцы соскальзывают. — У нас даже есть выделенная линия… Он заставил меня выучить набор цифр наизусть. Чёрт!

Шэрон дёргает рукой и прижимает палец к губам.

— Порезалась.

— Давай я, — говорю ей и забираю у неё коробку.

Достаю складной нож из заднего кармана джинсов и разрезаю картон. Внутри лежит телефон, похожий на старые кнопочные модели, но с толстой выдвижной антенной.

— Похоже, им пользовались. Смотри, карта на месте, значит, должен работать! — Шэрон уже не сдерживает голос.

Я осматриваю телефон со всех сторон и нажимаю на кнопку включения. Экран мигает, появляется логотип, а едва телефон загружается, Шэрон выхватывает его у меня из рук.

— Зарядка есть, но немного. Нам нужно выйти на улицу, чтобы телефон мог подключиться к спутнику. Лин, неужели это скоро всё закончится!

— Стой. Ты уверена, что нам кто-то ответит? — спрашиваю я, хотя от её радости у меня самой на секунду перехватывает дыхание.

— Конечно! До того, как всё это началось, Майкл уехал на военную базу в срочном порядке. Он сам мне сказал, что мы с Тревером… — Шэрон перестаёт улыбаться и замолкает.

Я подхожу ближе и кладу ладонь на её плечо. Она вздрагивает, тихо вздыхает и продолжает:

— Что мы можем в любой момент с ним связаться.

— Шэрон, не хочу этого говорить, но, возможно, твой бывший муж мёртв, как и все, кто есть на базе, — говорю я тихо.

— Нет. — Она качает головой. — Майкл говорил, что база у них не совсем обычная, там какие-то исследования. Я не вникала, но знаю, что там серьёзный пропускной режим, проверки, просто так не попасть. К тому же у военных есть оружие, они к таким вещам готовы лучше, чем кто-либо.

Она смотрит на меня, почти не мигая.

— Там должно быть безопасно.

— Хорошо. — Заглядываю ей в глаза. — Нам сейчас как никогда нужно в безопасное место. Я на роль акушерки совсем не подхожу.

— Уверена, ты справишься.

— Ну уж нет. Скажи своей дочери, пусть сидит подольше в своём уютном тёплом домике.

Руки Шэрон снова тянутся к животу, накрывают его. Она вздрагивает, и на лице появляется мягкая улыбка.

— Толкается, — говорит она.

Я улыбаюсь в ответ и на несколько секунд задерживаю взгляд на её животе, прежде чем снова осмотреть помещение.

— Ладно. Здесь есть лестница. Давай обследуем второй этаж, может, там будет выход на крышу. Разговаривать на улице будет опасно.

Шэрон кивает.

— Я первая, ты за мной. Будь начеку, — говорю я и иду к лестнице.

На втором этаже за незапертой дверью оказывается бывшая жилая квартира. Я проверяю кухню и заглядываю за диван, но вижу только бумаги, пустые коробки и открытые шкафы. Шэрон ждёт возле лестницы, сжимая телефон.

Замечаю закрытую дверь, ведущую, скорее всего, в спальню. Поворачиваю ручку, собираясь открыть её, но меня отвлекает Шэрон.

— Лин, я нашла лестницу на крышу! Здесь никого, идём быстрее!

Она говорит слишком громко, и я прислушиваюсь, приоткрыв дверь спальни на несколько дюймов. За ней темно и тихо, а Шэрон уже поднимается по ступеням с телефоном в руке. Мне хочется скорее услышать, что кто-то ответит ей, и я иду следом, решив проверить комнату на обратном пути.

— Тише, прошу тебя, — шепчу я, подходя к ней. — Здесь могут быть кусачие.

— Ты права, — отвечает она без капли сожаления. — Но вроде бы здесь никого.

— Нас могут услышать с улицы, — возражаю я спокойно и поднимаюсь наверх, поднимая повыше биту.

— Боже… Иногда я забываю, какой ты сложный человек.

— Зато это спасает наши жизни. — Пожимаю плечами.

— С этим не поспоришь…

Мы выходим на крышу, и я задерживаюсь у входа, осматривая пустую кровлю. Ветер свободно гуляет здесь, за ближайшими зданиями виднеется лес, и несколько секунд я просто слушаю его, прежде чем кивнуть Шэрон.

Мы проходим к середине крыши и садимся, положив оружие рядом. Шэрон набирает номер и включает громкую связь, прижав локти к бокам, будто боится выронить телефон.

— Гудки! — Шэрон поднимает на меня полный надежды взгляд, и я неуверенно улыбаюсь.

Похоже, связь ещё есть, хотя сотовая сеть перестала отвечать через два дня после появления первых заражённых. За эти недели я почти отвыкла от гудков и теперь ловлю себя на том, что прислушиваюсь к каждому, ожидая голоса.

Никто не отвечает, и Шэрон набирает снова. Минута тянется невыносимо долго, потом начинается ещё одна попытка, а я смотрю на её пальцы и не решаюсь остановить. Только на пятый раз кладу руку поверх её руки, когда в динамике снова раздаются одни гудки.

— Остановись…

— Ты не понимаешь! — срывается она. — За два месяца поисков у нас хоть что-то есть. Всё не может так просто закончиться. Гудки есть! Значит, телефон Майкла работает!

— Но ты уже звонила пять раз. Если он может ответить, увидит пропущенные и перезвонит. Давай сохраним заряд.

Шэрон выдыхает, опуская руки на живот.

— Давай посидим ещё немного.

— Да. Время ещё есть. Солнце сядет часа через четыре.

Я подкладываю Шэрон под поясницу спортивную сумку с детскими вещами.

— Но нам лучше вернуться до заката. В лагере попробуем ещё раз.

От меня не укрывается смятение Шэрон. Она то смотрит на экран, то на меня. Мы какое-то время молчим.

Над нами светит солнце, по ярко-голубому небу медленно плывут белые облака, а мягкий ветерок трогает верхушки зелёных деревьев. Лето в самом разгаре, пот собирается на спине и скатывается по позвоночнику. Отсюда не слышно и не видно кусачих, и на несколько секунд почти удаётся представить, что мы просто сидим на крыше в самый обычный день. Потом я снова смотрю на молчащий телефон.

Достаю револьвер из-за пояса и осматриваю: он в хорошем состоянии, в барабане даже есть пара патронов. В тире я пробовала похожую модель и помню, как от сильной отдачи с непривычки дрогнула рука. Рукоять великовата для моей ладони. Меняю хват, надеясь, что привыкну. Убираю револьвер за пояс. Один у нас уже есть, в трейлере. Второй не помешает.

— Как ты догадалась, что здесь может быть оружие? И откуда знала, где искать? — спрашивает Шэрон.

Она достаёт из сумки бутылку воды, делает несколько глотков и передаёт мне. Только сейчас замечаю, как у меня пересохло во рту.

Скоро второй укол инсулина.

— Я подрабатывала в ломбарде, — отвечаю я.

— Я бы не решилась, — говорит Шэрон, чуть хмурясь. — Ломбард — не самое безопасное место для девушки.

Пожимаю плечами.

— У меня не было выбора.

На секунду замолкаю, глядя мимо Шэрон.

— Однажды денег на инсулин почти не осталось. Я спустилась в ломбард этажом ниже, чтобы заложить ноутбук. Пока дошла, едва держалась на ногах.

— Это ужасно… — вздыхает Шэрон.

— Мистер Нолан, хозяин, решил, что я собираюсь его ограбить, и достал пистолет. Говорил что-то про копов, а я смотрела на него и никак не могла объяснить, зачем пришла. Потом помню только пол перед лицом.

Шэрон вскидывает брови.

— Сколько тебе было?

— Двадцать два.

— Тебе не помогали родители?

— Нет, я давно жила одна. — Провожу большим пальцем по влажному пластику бутылки. — Нолан вызвал скорую, а когда меня выписали, я вернулась за ноутбуком. Он его даже не выставил на продажу. Мы разговорились, и он предложил мне работу. От него я и узнала, где владельцы прячут запасное оружие.

— Ты очень сильная, — говорит Шэрон. — Не то что я. Иначе с Тревором не произошло бы…

— Ты не виновата, — перебиваю её я.

Беру её руки вместе с телефоном в свои.

— Никто не виноват.

— Это чудо, что ты тогда оказалась рядом, — тихо говорит Шэрон.

Она часто моргает, потом быстро смахивает непрошеные слёзы.

Я не знаю, что ответить, и продолжаю держать её руки, хотя от этого мне всё труднее смотреть ей в глаза. Тревор Трент, муж Шэрон и отец её ребёнка, обратился в кусачего почти сразу после начала катастрофы. Я случайно оказалась рядом и убила его, или то, что к тому

моменту от него осталось. Шэрон называет это чудом, а я до сих пор вздрагиваю, вспоминая тот выстрел. Сейчас мне особенно не хочется, чтобы она благодарила меня.

Внезапно раздаётся звонок.

Мы обе замираем, глядя на телефон в наших руках. Сердце колотится так высоко, что я чувствую каждый удар у основания шеи и не сразу могу заговорить.

— Ответь, — говорю я, и голос садится.

Шэрон выдёргивает руки и нажимает зелёную кнопку, включая громкую связь.

— Кто это? — слышу я низкий, жёсткий голос.

— М-Майкл? — Шэрон всхлипывает.

— Шэрон? — Он на секунду замолкает. — Ты?

— Майкл. — Шэрон шумно выдыхает. — Я так рада тебя слышать.

— Ты в порядке? С тобой всё хорошо?

— Да… Майкл, ты можешь нас забрать?

— Вас? Ты не одна… — В голосе Майкла звучат нотки облегчения. — Эмма и Люк?

— Да.

— А Тревор?

Шэрон на миг замолкает.

— Нет.

— Понял. — Голос становится жёстче. — Где вы?

— Небольшой город недалеко от Джексонвилла. Ты заберёшь нас?

Из динамика слышится шорох, потом — тишина.

— Майкл! — не выдерживает Шэрон. — Ты пришлёшь вертолёт или как?!

— Шэрон! Тише, — шёпотом предупреждаю её я, вслушиваясь в окружение.

— Кто это с тобой? — тут же спрашивает мужчина.

— Это… — Шэрон смотрит на меня. — Лин. Эвалин Вернер. Благодаря ей мы ещё живы.

— Ей можно доверять?

— Да, — не раздумывая отвечает она. — Полностью.

— Хорошо. Тогда слушайте. Прямо сейчас я вас не заберу. Вам нужно добраться до Вашингтона.

— Вашингтон? Это же почти семьсот миль! — Шэрон качает головой, будто Майкл может её увидеть.

— Вы добрались до Джексонвилла. Значит, транспорт есть. Если дороги пропускают, сможете доехать за день-два. Я встречу вас с группой и вывезу на базу.

— Это если мы найдём бензин, — говорю я. — У нас сейчас запас на часов пять езды.

— Понял. Придётся искать по дороге. Держитесь подальше от крупных городов. Проверяйте небольшие заправки и машины на окраинах, но не рискуйте ради полного бака. Когда выйдете на связь, сообщите, где будете.

— Хорошо, — говорю я после недолгого молчания.

— Хорошо?! — нервно усмехается Шэрон.

— А что нам ещё делать? — спрашиваю я, стараясь говорить спокойно, и смотрю на Шэрон, пока она не поднимает глаза. — Мы два месяца держались, справимся ещё два дня. Есть еда и немного бензина, теперь есть оружие и всё для ребёнка. Мы должны попробовать.

— Ребёнка? — В голосе Майкла появляется удивление.

Шэрон молчит и обхватывает живот руками. Кажется, она не собирается отвечать.

— Да, — отвечаю я, немного смутившись. — Она вот-вот родит. Девятый месяц.

— У нас тут большой штат врачей. — Голос Майкла смягчается. — Уверен, они смогут о вас позаботиться.

Она неопределённо мотает головой и отводит взгляд. Майкл этого не видит, и я добавляю:

— Она в порядке. Думаю, мы можем отправиться в дорогу завтра утром.

— Хорошо. Сколько у вас заряда на телефоне?

Я смотрю на экран.

— Меньше половины.

— Тогда так: выключите его после разговора. Завтра в семь ноль-ноль выходите на связь, я буду ждать.

— Поняла, — отвечаю я за нас обеих.

Шэрон всё ещё смотрит куда-то в сторону, и по её щекам скатываются слезинки.

— И… — Слышится вздох из динамика. — Берегите себя.

Не дожидаясь ответа, Майкл отключается. Я ещё несколько секунд смотрю на телефон, будто связь оборвалась и он перезвонит, но этого не происходит. Выключаю телефон и кладу его в сумку к детским вещам.

Мы с Шэрон ещё немного сидим рядом, и я не знаю, стоит ли расспрашивать её сейчас, пока она смотрит в сторону и вытирает щёки.

— Ну, и что это было? — спрашиваю я.

Шэрон шмыгает носом.

— Я просто устала. Или, может, это гормоны… Неважно.

Она тяжело поднимается и направляется к лестнице.

— Пошли?

Я встаю вслед за ней. На секунду задерживаю взгляд на проплывающих облаках.

Неужели эти постоянные бега скоро закончатся и мы наконец окажемся в безопасности? Может, там даже есть запас инсулина и мне не придётся каждый раз считать, на сколько дней его осталось. Я пытаюсь представить себе это и почти сразу начинаю думать о дороге, мародёрах и кусачих, которые могут встретиться нам за эти два дня.

Прошло всего два месяца, а живых мы встречаем всё реже и уже не всякой встрече радуемся. Люди тоже убивают, причём некоторые сначала улыбаются, и заранее не поймёшь, чего ждать от них.

До сих пор нам везло, но надеяться, что так будет и дальше, я боюсь.

Небольшие группы кусачих нам удавалось обходить, пока они нас не замечали. Если же выдашь себя, придётся бежать или сражаться, а боль их почти не останавливает. По чужим рассказам я знаю, что надёжнее всего попасть в голову. По Тревору тоже, но его сейчас стараюсь не вспоминать.

Смотрю на чистое дерево биты у своих ног и понимаю, что ещё ни разу не ударила ею человека, даже заражённого. Не знаю, хватило бы мне сил подойти так близко, и стараюсь не задерживаться на этой мысли.

Поднимая спортивную сумку на плечо, замечаю забытую монтировку. Шэрон уже спустилась в квартиру, и меня охватывает тревога: без оружия ей там делать нечего.

Я подхватываю оружие и быстро иду к двери, ведущей на лестницу.

Внезапно раздаётся женский крик, полный ужаса.

От крика всё внутри холодеет. Сбрасываю сумку и винтовку, бросаю биту и перехватываю монтировку острым концом вперёд. Почти не замечаю, как пролетаю лестничный пролёт. Шэрон стоит посреди комнаты, а кусачий вцепился зубами в её руку, поднятую, чтобы защитить лицо.

Я вижу только его голову и руку Шэрон, за которую он держится, и бросаюсь к ним, вонзая острый конец монтировки со всей силы. Хруст отдаётся в ладонях, металл проваливается глубже, чем я ожидаю. Кусачий разжимает челюсть и оседает на пол, а я ещё мгновение держу монтировку, не в силах разжать пальцы.

Шэрон в шоке смотрит на свою окровавленную руку.

Из открытого окна доносится дикий вой, и я сразу понимаю, что кусачие услышали нас. Звук быстро приближается, а Шэрон всё смотрит на свою руку, будто не замечает ничего вокруг. Я не даю себе рассмотреть рану, боясь понять, насколько всё плохо.

— Шэрон, нам нужно уходить. Сейчас! — Хватаю её за плечо и тяну к двери, за которой спуск в ломбард.

— Нет! — в панике шепчет она.

— Сейчас не время спорить, — резко говорю я.

— Посмотри на мою руку!

— Мы что-нибудь придумаем, — вру я.

— Ты не понимаешь?! Я заражена!

От этих слов меня мутит, но я всё ещё не могу принять, что она права. Смотрю на кровь у её запястья и пытаюсь найти хоть какое-то объяснение, которое позволит нам просто уйти отсюда.

Шэрон поднимает глаза и смотрит прямо на меня, хотя рука у неё дрожит. Я никогда не видела её такой, и мне становится страшнее, чем от воя, который приближается с улицы.

— Ребёнок, — хладнокровно говорит она.

Я смотрю на её живот и не сразу понимаю, о чём она просит.

— Ты должна достать его!

— Что?!

— Может, мы ещё успеем. Лин, ты должна её достать!

Она стаскивает ремень с моей талии и делает что-то наподобие жгута, перетягивая руку выше укуса.

— Ты с ума сошла?! У тебя шок! Ты не понимаешь, о чем говоришь!

Она хватает меня за плечи, заставляя взглянуть в её глаза. Её руки неестественно холодные. По коже бегут мурашки.

— Лин, я заражена. Ты видела, что происходит после укуса. — Она сжимает мои плечи. — Пока я ещё могу говорить, ты должна вытащить ребёнка. Пожалуйста.

Она отпускает меня и хватается за комод у той самой двери. Вой с улицы становится громче, и уже слышно, как осколки стекла шуршат под ногами кусачих.

— Помоги мне! Быстрее!

Я подбегаю и помогаю придвинуть комод. Он с глухим стуком встаёт на место.

Шэрон тянет меня в центр комнаты, выхватывает нож из моего кармана и, раскрыв его, суёт мне в руку. Я смотрю на лезвие, пытаясь согнуть пальцы вокруг рукояти, но они почти не слушаются.

— Я не смогу, Шэрон. — Мой голос дрожит.

Я смотрю ей в глаза, надеясь, что она сейчас передумает, но Шэрон только ждёт. В её лице уже нет той растерянности, которую я видела после укуса, и от этого мне хочется вырваться ещё сильнее.

— Я помогу тебе. Скажу, что тебе делать.

Шэрон опускается на пол, прислонившись спиной к дивану, затем стягивает футболку и верхнюю часть джинсового комбинезона. У неё большой покатый живот, который ещё недавно шевелился под её ладонью.

— Слушай меня, не торопись. — Она берёт мою руку с ножом и подносит к животу, но пальцы уже скользят. — Я буду говорить, что делать. Когда достанешь её, согрей, не дай ей замёрзнуть.

— Шэрон…

— Лин, ты должна это сделать! — Она хватает меня за руку. — Ради меня!

Я смотрю на неё, чувствуя, как сводит горло. Хочется сказать, что я не умею, что она не может просить меня об этом, но она уже знает и всё равно держит мою руку.

— И обещай мне… Пожалуйста, обещай, что вы доберётесь до Майкла… В безопасное место…

Я успеваю только кивнуть, когда в дверь ударяют так сильно, что мы обе вздрагиваем. Комод пока держится, но снаружи слышен скрежет, и при новом толчке дерево жалобно скрипит. Если кусачих станет больше, он не выдержит.

— Сейчас, Лин! Давай! — резко говорит Шэрон.

Лоб Шэрон покрывается испариной, кожа вокруг глаз темнеет. Она скручивает снятую футболку в тугой узел и зажимает между зубами, не отводя от меня взгляда.

Кусачий снова налетает на дверь, и скрежет дерева заглушает всё остальное. Я на секунду закрываю глаза, пытаясь не слышать его, а когда открываю, рука с ножом кажется чужой.

Это не я. Всё это не может происходить со мной.

Подношу нож к натянутой белой коже, но рука останавливается, и Шэрон сжимает моё запястье. Я чувствую её пальцы и наконец провожу лезвием, вздрагивая от крика, приглушённого тканью. Кровь выступает сразу, а я уже не понимаю, насколько глубоко режу. Шэрон выговаривает что-то сквозь зубы, и мне приходится наклониться ближе, чтобы услышать её за ударами в дверь.

Сжимаю нож крепче и делаю ещё один надрез, глубже, как она велит. Шэрон снова кричит, а у меня стягивает грудь так, что трудно вдохнуть. Я боюсь причинить ей ещё больше боли, но остановиться уже не могу.

Сквозь кровь различаю светлую ткань и стараюсь понять слова Шэрон. Она говорит с паузами, иногда мне приходится ждать, прежде чем я понимаю, что делать дальше. Очередной удар сдвигает комод, и мы обе невольно поворачиваем головы.

— Не смотри туда, — выговаривает она, выпустив ткань изо рта. — Лин, сюда.

Я возвращаю взгляд к её животу и перехватываю скользкую рукоять. Когда вытекает жидкость и я наконец вижу ребёнка, то откладываю нож, боясь задеть его. Шэрон закрывает глаза, и на мгновение я перестаю дышать, пока она не отзывается на мой голос.

Что мне теперь делать? Она сказала достать ребёнка руками, но я не представляю, как прикоснуться к нему и ничего не повредить. Делаю несколько глубоких вдохов и подношу руку к разрезу, стараясь слушать Шэрон и не смотреть на кровь.

Шэрон хрипло подсказывает, куда подвести руки, и я делаю, как она говорит, боясь сжать слишком сильно или уронить. Маленькое тело скользит в ладонях, приходится подхватить его обеими руками, прежде чем поднять. Оно тяжелее, чем я ожидала, и я торопливо прижимаю локти к себе.

Смотрю на девочку в своих руках и не сразу понимаю, что меня пугает. Она странного фиолетового цвета и совсем не шевелится. Я касаюсь её груди и наклоняюсь ниже, пытаясь услышать дыхание, но ничего не слышу.

— Как она? — до меня доносится слабый голос.

— Странного цвета… не дышит. Разве ребёнок не должен закричать?

— Вытри её… — Шэрон с трудом размыкает губы. — Согрей…

Детские вещи остались на лестнице, и я укладываю девочку на колени, чтобы стянуть свою футболку. Торопливо вытираю её сухим краем, придерживая скользкое тело и всё время глядя на маленькую грудь. Мне кажется, я успела сделать что-то не так, и от этой мысли пальцы дрожат ещё сильнее.

— Ну же…

Под ладонью вздрагивает спина, девочка морщится, втягивает воздух и кричит. Я замираю, боясь пошевелиться и спугнуть этот хриплый звук, потом сама наконец делаю вдох. Хочется сразу сказать Шэрон, что всё хорошо, но я не знаю, хорошо ли, и только поднимаю на неё глаза.

Шэрон напоминает о пуповине. С её подсказками перевязываю её полоской ткани и перерезаю. Пальцы скользят, узел приходится затянуть ещё раз. Заворачиваю малышку в сухую часть футболки.

Снаружи мутанты будто звереют, и дверь начинает поддаваться их толчкам. В узкой щели появляются серые руки с поломанными ногтями. Я прижимаю ребёнка к себе, отворачивая её лицо от двери, за которой всё отчётливее слышны крики и вой.

— Лин… — хрипит Шэрон. — Покажи мне её.

Подхожу ближе и опускаюсь рядом, чтобы Шэрон могла увидеть девочку. Малышка смешно морщит лицо, её тёмные, почти чёрные глаза открываются и снова закрываются. Когда раздаётся очередной удар, она вздрагивает у меня на руках, и я придерживаю её крепче.

— Красивая… — шепчет Шэрон.

Она отворачивается.

— Уходите…

— А как же ты?

— Я отвлеку их… — Она почти не двигается, только тяжело сглатывает. — На крыше я видела… лестницу вниз… Уходи! У тебя будет немного времени…

Я поднимаюсь, крепко прижимая к себе ребёнка, но ещё несколько секунд не могу отвернуться от Шэрон. Только что она была рядом, мы спорили, сидели на крыше и строили планы на завтра. Хочется обещать, что я вернусь, хотя я понимаю, что не смогу. Новый удар сдвигает комод, и я отступаю к лестнице, так и не найдя, что ей сказать.

По пути к лестнице замечаю распахнутую дверь спальни, которую так и не осмотрела. За ней разбросаны лохмотья и кости, похожие на человеческие. Меня прошибает холодный пот: если кусачий вышел оттуда, значит, я сама прошла мимо него и оставила Шэрон без защиты. Ещё тогда могла открыть дверь, зайти, проверить, вместо того чтобы спешить на крышу.

Я заставляю себя идти дальше, чувствуя вес ребёнка на руках. Если сейчас остановлюсь, не смогу сделать и шага.

Проскальзываю за дверь на лестницу к крыше, захлопываю её и запираю. Взбегаю по ступеням к брошенной сумке и винтовке, стараясь не думать о том, что теперь оставила Шэрон по другую сторону.

Снизу доносится голос Шэрон:

— Эй! Сюда!

Я торопливо опускаюсь возле сумки, не поднимая глаз от ребёнка.

Достаю сухую пелёнку и перекладываю в неё малышку, потом нащупываю слинг и разворачиваю вложенную инструкцию. Пытаюсь вспомнить, что показывала Шэрон, глядя на рисунок и закрепляя ткань. Когда наконец устраиваю девочку у груди, оставляю лицо открытым и придерживаю затылок. Она тихо кряхтит, пока я, не отпуская её, подхватываю винтовку и сумку.

Сумка тянет плечо, и хочется бросить всё, лишь бы скорее уйти отсюда, но я понимаю, что вернуться за вещами уже не смогу. Перехватываю лямку и сглатываю, пытаясь сдержать слёзы. Я привыкла справляться сама, только сейчас от этого совсем не легче, а Шэрон больше не идёт рядом.

На краю крыши вижу выход на пожарную лестницу и спускаюсь по ней, стараясь не шуметь. Улица пуста. Похоже, кусачие сбежались к ломбарду. Я невольно смотрю в сторону аптеки, но тут же отворачиваюсь: сейчас мне не добраться туда с ребёнком и сумкой. Руки дрожат, тело тяжелеет, и даже на пустой улице я не чувствую себя в безопасности.

Возвращаюсь к сетке-рабице, через которую мы с Шэрон пролезали совсем недавно. Перекинув сначала сумку и винтовку, я кое-как проталкиваю себя через забор, чтобы не потревожить ребёнка.

За забором даю себе несколько секунд передохнуть, но, услышав топот, вой и булькающие звуки, сразу срываюсь с места. Ухожу вдоль кромки леса, придерживая ребёнка, и только когда вокруг снова становится тихо, замедляю шаг возле трейлер-парка на окраине городка.

Оглядываясь, чтобы не привести за собой хвост, дохожу до самого большого трейлера. Нажимаю на ручку, проскальзываю внутрь и запираю дверь, всё ещё прислушиваясь к улице.

В тишине раздаётся щелчок, и я оборачиваюсь, прижимая малышку крепче. На меня смотрят две пары глаз, а прямо на меня направлено дуло револьвера.

— Где наша мама? — требовательно спрашивает пятнадцатилетняя девочка, глядя на меня взволнованными серыми глазами.

Хмурый десятилетний мальчик опускает револьвер. Они оба ждут, а я всё ещё чувствую пальцы Шэрон на своём запястье и никак не могу произнести первое слово.

Я делаю медленный вдох и выдох.

Глава 2. Пробитый бак

— Что случилось? — спрашивает Люк.

Его голос напряжён. Он смотрит на мои руки, покрытые коркой засохшей крови. Я разжимаю пальцы, и кожу неприятно тянет. Ребёнок шевелится в слинге под моей рукой, тихо кряхтит, заявляя о себе.

— Что это? — Эмма резко переводит взгляд на свёрток.

— Это…

Я не знаю, что сказать. С чего начать? Как объяснить им, что их матери больше нет? Что я вернулась с их сестрой, а Шэрон осталась там? Может быть, если бы я проверила ту чёртову комнату, она была бы жива. И мне не пришлось бы сейчас стоять здесь и объясняться.

— Лин, где мама? — упрямо спрашивает Эмма.

Я смотрю в её серые глаза и никак не могу ответить. Она переводит взгляд с моего лица на кровь, потом на свёрток. Приоткрывает рот, но больше ничего не спрашивает.

В тишине слышу её потрясённое:

— Нет… Не может быть.

Эмма отворачивается и отходит на пару шагов. Я не останавливаю её. Даже не знаю, что сказать ей вслед.

Все замолкают. Люк подходит ко мне и осторожно оттягивает край слинга, чтобы посмотреть на малышку. Волосы падают ему на глаза, но он не убирает их, только плотно сжимает губы. Мне хочется обнять его — кажется, он тоже едва держится.

— Это ваша сестра, — говорю я, и мой голос звучит отстранённо. — Вашу мать укусили. Мне пришлось забрать ребёнка и… оставить её.

Я жду крика и слёз, но Люк лишь хмурится. Его взгляд прикован к младенцу. Эмма резко разворачивается.

— Ты её бросила?! Там? Одну?! — Её голос срывается на крик.

Она хватает кожаную куртку Шэрон и стремительно бросается к выходу.

— Я пойду за ней! Пусти!

Я перекрываю узкий проход, поворачиваясь так, чтобы заслонить малышку. Эмма налетает на моё плечо, пытается протиснуться мимо. Её всю трясёт, но она не отступает и смотрит мне прямо в глаза.

— Ты никуда не пойдёшь, — говорю ей спокойно. — Твоя мать мертва, Эмма.

— Ты уверена в этом?! — выплёвывает она мне в лицо. В глазах блестят слёзы. — Ты просто испугалась и сбежала!

— Я уверена. — Я не отвожу взгляда, хотя хочется отвернуться. — Она отвлекла на себя кусачих, чтобы мы с ребёнком… — Голос дрожит, и мне приходится сглотнуть. — Чтобы мы могли уйти. Я не пущу тебя туда, Эмма. Не после того, что она сделала.

Эмма резко выдыхает с глухим, почти звериным звуком. Она сжимает кулаки, отворачивается и падает на диванчик у окна. Закутывается в куртку, подтягивает колени к груди, утыкается в них и затихает.

Люк всё это время стоит рядом, почти не двигаясь. Смотрит на ребёнка, не проронив ни слова. Потом поднимает на меня глаза, и я заранее знаю, о чем он спросит.

— Мы… — Он запинается. — Мы не вернёмся за ней?

У меня всё внутри сжимается. Даже этого я не могу для них сделать.

Я вздыхаю и тихо отвечаю:

— Нет.

Он сжимает губы и кивает.

— Могу я?.. — тихо говорит он. — Взять ребёнка?

Мне до боли нужно побыть одной. Хоть минуту не видеть их лиц, не искать слов, от которых никому не легче. Я соглашаюсь и помогаю Люку сесть, аккуратно снимаю слинг и передаю ему.

— Поддерживай голову, — предупреждаю я.

Он кивает.

— Я видел у мамы книгу… про новорождённых. Я поищу.

Шэрон учила их разводить костёр и ставить палатку, показывала, какую еду брать в первую очередь. Говорила, что однажды им, возможно, придётся справляться без неё. Я вспоминаю это, пока Люк поправляет ткань у лица сестры, а Эмма сидит, не поднимая головы. Ни палатка, ни костёр сейчас им не помогут.

Я прошу Люка позвать меня, если что-то потребуется. Иду в ванную и торопливо закрываю за собой дверь.

За закрытой дверью наконец удаётся вдохнуть глубже. В маленьком зеркале над раковиной лицо кажется чужим: побелевшие губы, тёмные круги под глазами, прилипшие к коже русые пряди. Я поднимаю руку, чтобы убрать волосы, и останавливаюсь, снова увидев кровь.

Открываю кран и начинаю отмывать руки. Вода мутнеет, уходит в слив, но в складках кожи всё ещё остаются тёмные борозды. Тру ладони сильнее, пытаюсь вымыть кровь из-под ногтей. Когда кожа начинает саднить, приходится остановиться.

Набираю воду в ладони и несколько раз умываюсь. От холода щиплет лицо. Я держусь за край раковины, пока не удаётся дышать ровнее.

Шэрон больше нет.

Ещё утром я могла спросить у неё, что делать дальше. Или просто отдать ей ключи, когда устану вести машину. Теперь за дверью ждут дети, а я прячусь здесь и никак не могу заставить себя выйти. До Вашингтона несколько штатов. Я не знаю, где мы будем ночевать завтра, хватит ли бензина и что делать, если с малышкой что-нибудь случится.

На секунду представляю, как беру рюкзак и ухожу одна. Не нужно никому ничего объяснять, решать за троих, обещать, что всё будет хорошо. Потом за дверью что-то тихо говорит Люк, и я опускаю голову. Он ведь даже не спросит, вернусь ли я. Просто будет ждать.

Майкл говорил, что на базе есть врачи. Там помогут ребёнку, может, найдётся и инсулин для меня. Я пытаюсь представить, как передаю ему детей, но вместо этого слышу вопрос, который он обязательно задаст. Где Шэрон? Я уже один раз не смогла на него ответить.

Да, к тому же нам ещё предстоит до него как-то добраться.

От размышлений меня отвлекает тихий стук в дверь.

— Лин, — слышу спокойный голос Люка. — Ты в порядке?

— Да. Сейчас выйду.

Я беру полотенце, вытираю лицо, задерживаюсь на секунду.

Из косметички, которую оставила здесь утром, достаю глюкометр и проверяю сахар. Потом пересчитываю шприц-ручки с инсулином. Осталось всего три. Скоро нужно будет искать ещё, но в ту аптеку я не вернусь. Убираю всё обратно, стараясь не думать, сколько таких аптек нам попадётся по дороге.

Вытираю руки ещё раз и выхожу к детям.

Люк сидит на диване с книгой в руках. Эмма, всё ещё в куртке Шэрон, стоит у стола, на котором они расстелили пелёнку. На ней лежит малышка, машет ручками и тихо причмокивает. Эмма придерживает её ладонью.

— Что у вас? — спрашиваю я, подходя ближе.

— Она какая-то странная, — говорит Эмма, оглядывая маленькое тельце, перепачканное засохшей кровью и непонятной жижей.

— Её просто нужно помыть, — отвечаю я и подхожу к плите. Набираю в кастрюлю воду и ставлю греться. К счастью, вода и газ здесь ещё пока есть.

— Да, но я не это имела в виду, — продолжает Эмма. — Я ни разу не слышала, чтобы она плакала. Младенцы же обычно кричат. Это единственное, что они умеют, разве нет?

Она наклоняется ближе.

— И глаза. Вы видели, какие у неё тёмные радужки? Почти чёрные!

— Может быть, они посветлеют позже? — Я пожимаю плечами.

— В книге написано, что цвет ещё может измениться, — замечает Люк, не поднимая головы. На обложке крупными буквами выведено: «Всё о новорождённых». — Это потому, что у младенцев…

— Ты всегда такой… умный, да? — перебивает его Эмма. — Никто не хочет этого знать.

Люк только фыркает.

— Может, кто-то из ваших предков был кареглазым? — говорю я. — А то, что она тихая… По крайней мере, нам на руку: не будет привлекать лишнего внимания.

Я смотрю, как поднимается её маленькая грудь. Хотелось бы знать, что с ней всё в порядке, а не просто надеяться на это.

Эмма садится рядом со столом. На миг становится тихо, слышно только, как работает плита.

— Нужно придумать ей имя, — неожиданно говорит Люк, поднимая на нас глаза.

— Есть варианты? — спрашиваю я.

Я бросаю взгляд в окно. Солнце садится, темнеет.

— Мне нравится имя Рози. Роуз, — говорит Люк.

— Пфф. Так звали девчонку из твоего класса, по которой ты сох, — бормочет Эмма.

Люк закатывает глаза.

— Мне тоже нравится, — откликаюсь я. — А ты что скажешь, Эмма?

— Да мне вообще всё равно! — Девушка откидывается на спинку стула, складывает руки на груди. — Рози, Дейзи или Виолетта — какая разница? Она долго не протянет. Какие младенцы в этом мире?

— Не говори так! — резко отвечает Люк. — Она будет жить. Ради мамы… Я за ней присмотрю. Я её не брошу.

— Ой, ну и ладно! Живите долго и счастливо! — Эмма кривится, встаёт со стула с противным скрипом и уходит в сторону спальни. Дверь закрывается с лёгким хлопком.

Последние два месяца Эмма спорила почти со всем, что я говорила. Только Шэрон умела остановить её так, чтобы не стало ещё хуже. Я смотрю на закрытую дверь спальни и понимаю, что теперь спросить у неё, как с ней спокойно договориться, уже не смогу.

— Эмма, закрой окна картоном, прежде чем зажигать свечи! — говорю я ей вслед, но ответа не получаю.

Кто говорил, что будет легко?

Я подхожу к плите и выключаю газ, потому что вода уже вовсю кипит. Прошу Люка принести небольшой пластиковый таз из ванной. Наливаю в него воду из кастрюли, добавляю холодную, чтобы температура стала комфортной для купания.

Беру малышку на руки и устраиваю поудобнее, боясь неловко повернуть. Раньше младенцев я видела только издалека или по телику. Рози молчит, смотрит на меня своими чёрными глазами. Её ладонь находит мой палец и крепко сжимает. Я замираю на секунду, потом осторожно опускаю её ближе к воде. Люк читает вслух, сверяясь с картинками, а я понемногу смываю засохшую кровь, всё время придерживая голову.

Когда процедуры окончены, мы осторожно надеваем на розового чистого ребёнка подгузник и крохотные вещи. Страшно сделать что-то не так. Тело Рози такое маленькое и хрупкое.

Остаётся её покормить. Мы с Люком разбираемся с инструкцией на банке смеси, которую я принесла из города вместе с остальными вещами. Он сам вызывается покормить сестру. Я помогаю ему устроиться на диване и остаюсь рядом, пока он держит бутылочку.

Рози ест, и я понемногу разжимаю руки. Пока получается. Только бы так и дальше.

Я обхожу комнату и проверяю, что все окна закрыты картоном и занавесками, чтобы свет не было видно с улицы. Зажигаю свечи. Они уже давно стали нашим единственным освещением по вечерам. Желудок урчит, но прежде чем приступить к еде, нужно ещё кое-что сделать.

Я возвращаюсь к Люку. Он бережно укачивает спящую Рози, у которой во рту соска.

— Как она? — спрашиваю у него.

— Она хорошо поела.

Я киваю и решаюсь задать ещё один вопрос:

— А ты сам как?

Люк бросает взгляд на входную дверь, задумываясь.

— Мне кажется, я всё ещё жду, что мама войдёт в эту дверь. И всё будет как раньше.

Он хмурится. Между бровями образовывается складка.

— Но затем я смотрю на Рози и понимаю, что… Как раньше уже не будет.

Люк поднимает на меня взгляд. Такой серьёзный, будто это он должен сейчас объяснить мне, как мы будем жить дальше. Я сажусь рядом и поправляю сползший край пелёнки, хотя он и без меня всё сделал правильно.

— Со мной всё будет нормально, — говорит он уверенно.

Я киваю, но остаюсь рядом ещё ненадолго.

— Есть ещё кое-что, о чем вы должны знать, — говорю я и повышаю голос: — Эмма, надо поговорить!

Зная, что не ответит, добавляю:

— Это касается твоего отца.

Через мгновение дверь открывается. Эмма выходит и садится за стол, бросая на меня быстрый взгляд. Я достаю из рюкзака карту и раскладываю её.

— Итак… — Я чуть откашливаюсь. — Перед тем как всё случилось, мы с вашей мамой смогли связаться с Майклом.

— Он жив? С ним всё в порядке? Он нас заберёт? — Эмма задаёт вопросы один за другим.

— Когда он будет здесь? — последним добавляет Люк.

— Он жив. С ним всё хорошо, — отвечаю я. — Сейчас он на военной базе, как мы и думали. Но приехать за нами не сможет.

— Как это… Не сможет? — резко говорит Эмма.

— Он будет нас ждать в Вашингтоне.

Я указываю пальцем точку на карте, где находится нужное нам место.

— А мы где? — Она хмурится.

— В Джексонвилле, — спокойно отвечает Люк.

Я отмечаю вторую точку. Эмма переводит взгляд с одной на другую.

— Но это же далеко! — с досадой говорит она.

— Тише, — шепчет Люк. — Разбудишь Рози.

Эмма бросает на него недовольный взгляд, но голос снижает:

— И что нам делать?

— Ехать, — отвечаю я. — Раньше добрались бы за день. Теперь, если повезёт.

— Если? — сразу цепляется она.

Я не отвечаю. Беру фломастер и начинаю чертить маршрут в обход крупных городов. На пути отмечаю заправки, хотя понятия не имею, остался ли на них бензин.

— Завтра в семь я свяжусь с вашим отцом. Вы сможете поговорить с ним.

Люк поднимает голову.

— Правда?

— Да. Но разговор будет короткий. Заряда мало.

Я тщательно осматриваю маршрут, чтобы не упустить ничего важного.

— После этого мы сразу выезжаем. Нам нужно успеть добраться и выйти с ним на связь уже там.

— А если не успеем? — тихо спрашивает Люк.

Я на секунду замираю.

— Не знаю, сколько они смогут оставаться на месте.

Люк замолкает.

— Это наш отец, Люк, — говорит Эмма, глядя на брата. — Он, конечно, будет нас ждать.

Я не спорю. Мне тоже хочется в это верить. Смотрю на детей по очереди, пока их внимание не переключается на меня.

— Тем не менее рисковать не стоит. Поэтому от вас мне нужно одно, — говорю я со всей серьёзностью. — Вы делаете всё, что я говорю. Сразу.

Смотрю на Эмму.

— Без споров.

Она выдерживает мой взгляд.

— Я сделаю всё, чтобы добраться до отца, — говорит она и кивает.

Я киваю в ответ.

— Тогда собираемся. Выезжаем рано.

Я складываю карту. Мы собираем остатки вещей. Я уношу их в машину, припаркованную под раскидистой сосной рядом с домом. На всякий случай осматриваюсь и прислушиваюсь, чтобы избежать внезапных встреч с кусачими.

Со стороны улицы машину не видно. Мы постарались загнать её так, чтобы она терялась между домом и деревьями. Тревор, как мне рассказывала Шэрон, купил этот пикап незадолго до начала катастрофы. Даже не успел толком поездить.

Откидываю задний борт.

В кузове наш запас, собранный за два месяца в дороге. Две палатки, тент от дождя, две сумки одежды. Отдельно лежат походный набор для готовки на костре, топор, жидкость для розжига, несколько бутылей воды и канистра бензина.

Я задерживаю на этом взгляд.

Пока у нас есть машина, мы можем увезти всё это с собой. И нам не придётся каждую ночь искать дом, в котором можно укрыться.

Когда всё собрано, мы ужинаем разогретыми консервами. Я делаю привычный укол перед едой, стараясь не прислушиваться к тишине за столом. Дети уходят в спальню. Люк зовёт меня, чтобы показать, где они уложили Рози, и только после моего кивка ложится сам. Я проверяю малышку и ещё немного стою рядом.

Когда в доме стихает, я выхожу на улицу.

Небо уже потемнело, крыши домов тонут в сумерках. С леса тянет прохладой, сырой землёй и хвоей. Я делаю глубокий вдох.

Сажусь на ступени у входа, держа в руках спутниковый телефон. Провожу пальцами по кнопкам, но не нажимаю. Стоит ли потратить немного заряда и позвонить Майклу? Нужно сообщить ему о том, что случилось с Шэрон, до того как он будет разговаривать с детьми?

Шэрон редко говорила о разводе, но, кажется, они с Майклом сохранили хорошие отношения. Его часто не было дома, работа всегда оказывалась важнее семьи. По крайней мере, так это объясняла она.

Они разговаривали совсем недавно, и он так рад был её услышать.

Я смотрю на холодный пластиковый корпус в своих руках и медлю. Кажется, к этому разговору я не готова.

Уместно ли вообще звонить человеку в такой час? Или я просто ищу оправдание, чтобы не слышать его голос и не отвечать на вопросы, на которые у меня нет ответов? Разговор с Майклом — это признание того, что назад пути нет. А я, кажется, сама ещё до конца в это не поверила.

Я убираю телефон, так и не набрав номер. Утром всё равно придётся говорить. Сейчас можно хотя бы сослаться на заряд, на условленное время. Я знаю, что это отговорки, но снова достать телефон не решаюсь.

Ещё немного посидев, возвращаюсь в дом. Стараясь не шуметь, запираю дверь, обхожу комнаты и гашу свечи. Заглядываю в спальню. Дети спят. Убеждаюсь, что с Рози всё в порядке, и оставляю дверь приоткрытой. Кладу пистолет рядом с собой на диван. Нужно хоть немного поспать.

Просыпаюсь резко, не сразу понимая, от чего. Сердце колотится. Приподнимаюсь на диване, напряжённо прислушиваясь. Звук доносится издалека, приглушённый и прерывистый. Затем повторяется, громче и отчётливее. Выстрелы.

Я встаю, сжимая пистолет.

Где-то поблизости вооружённые люди. Может, наткнулись на кусачих, которые сбежались к аптеке. Может, пришли на вчерашний шум. Я смотрю на дверь спальни, прислушиваясь к каждому новому хлопку.

Я смотрю на часы. До рассвета ещё пара часов. Хорошо, что я смогла поспать хоть немного. Ведь потом нам предстоит целый день пути, а кроме меня больше никто не сможет полноценно сесть за руль. Шэрон только пару раз давала уроки вождения Эмме. Нам всегда хватало двух водителей, а потому практики у неё особо не было.

Минут двадцать ничего не происходит. Я уже начинаю надеяться, что они ушли, когда совсем недалеко хлопает дверь. Затем ещё одна. В трейлерном парке кто-то есть.

Осторожно отгибаю край картона на окне и вглядываюсь в темноту. Между домами скользит луч фонаря. Слышится удар, чей-то голос, потом звон стекла. Похоже, обыскивают трейлеры. Не знаю, сколько их и как скоро они доберутся до нас. Отпускаю картон и на секунду прижимаю ладонь ко рту, заставляя себя дышать тише.

Я иду к детям. Легонько касаюсь руки Эммы в попытке её разбудить. Она открывает глаза, и я сразу же закрываю ей рот рукой. Жестами показываю: кто-то снаружи. Нужно вести себя тихо. Эмма сразу понимает, что что-то происходит. Я показываю ей, что нужно осторожно разбудить Люка.

Как только дети поднимаются, мы собираемся у двери. Хорошо, что они спали одетыми, а основные вещи я заранее отнесла в машину. В трейлере остались оружие, слинг и рюкзак Люка. Поднимаю Рози и закутываю поплотнее, оставляя лицо открытым.

Снаружи уже различимы мужские голоса, но слов не разобрать. Эмма стоит вплотную ко мне, и я чувствую, как она дрожит.

— Что нам делать? — почти беззвучно говорит она.

— Нужно выйти к машине, — шепчу я.

— Они совсем близко, — говорит Люк. — У нас не получится это сделать незаметно.

— Я знаю. Но у нас нет выбора.

Я снова выглядываю в щёлку и замечаю движение. Помогаю Люку надеть слинг и уложить в него Рози. Эмма берёт винтовку из ломбарда и вешает на плечо, Люк убирает револьвер за пояс. Я успела лишь несколько раз пострелять с ними по неподвижным мишеням. Они знают, как держать оружие и куда нельзя направлять ствол. Но ни один из них ещё не стрелял ни в кусачего, ни уж тем более в живого человека.

— Не отставайте. Если что, бегите к машине, — шепчу я. Люк придерживает сестру обеими руками, и я надеюсь, что за оружие ему браться не придётся.

Надеваю рюкзак Люка. Мужчины, судя по голосам, в соседнем трейлере. Сейчас самое подходящее время добраться до машины. Если нас заметят, у нас будет хотя бы небольшая фора.

Тихо открываю дверь и выглядываю наружу. Машу детям, чтобы проходили, затем выхожу следом. Дверь оставляю открытой. Мы сюда не вернёмся.

Подхожу к машине, где дети уже ждут. Я как можно тише тяну ручку и открываю дверцу. Один за другим они проскальзывают внутрь. Я сажусь за руль.

В этот момент на улице мелькает свет фонариков. Они вышли. Сердце резко бьётся где-то в горле. Мне становится страшно, но нужно действовать сейчас.

— Пригнитесь, — бросаю я детям, а сама хлопаю дверцей и завожу мотор.

Я давлю на газ. Кто-то выскакивает из-за угла дома, но машина уже трогается. Глухой удар о капот, машину дёргает. Я не успеваю понять, задела ли кого-то. Сзади кричат, затем начинается стрельба. Свет фонариков мечется по стеклу, на неровной дороге руль бьёт в ладони. Я почти ничего не вижу, кроме узкой полосы перед капотом.

Руки сами крутят руль, и мы вылетаем на дорогу. Слышу выстрелы и звон разбитого стекла. Следом крики детей. Ещё несколько звонких ударов о корпус. Машина набирает скорость, и мы уезжаем.

Меня всю трясёт. Я смотрю в зеркало, но за нами темно, чужих фар не видно. Только теперь замечаю, как болят пальцы, сжимающие руль. Чуть опускаю зеркало. На меня смотрят перепуганные дети.

— Вы в порядке? — спрашиваю я. — Никто не ранен?

— Н-нет, — запинаясь, отвечает Эмма.

— Люк?

— Всё в порядке. С Рози тоже.

Люк отводит ткань от её лица и заглядывает внутрь слинга. Я жду, пока он снова поднимет голову и кивнёт.

Эмма смотрит на осколки заднего стекла, рассыпанные по сиденью, и спрашивает:

— Кто это был?

— Не знаю, — отвечаю я. — Надо как можно дальше уехать отсюда.

— Согласна, — кивает Эмма в ответ. — Что они искали?

— Или кого? — предполагает Люк.

— Нас? — удивляется Эмма.

Люк лишь пожимает плечами.

Я тоже не знаю. Может, кто-то слышал вчерашний шум в городе и пошёл искать припасы. А может, они и без нас собирались обыскать трейлерный парк. Я снова смотрю в зеркало. Дорога за нами пуста, но от этого легче не становится.

Спустя час я сворачиваю с шоссе на грунтовую дорогу в объезд. Надеюсь, нас будет труднее найти, если кто-то всё-таки поехал следом. На панели загорается лампочка топлива. Я перевожу взгляд на стрелку и чувствую, как холодеет внутри.

— Вот чёрт… — выдыхаю я. — Бензина почти не осталось.

— Что? — Эмма тут же подаётся вперёд, почти перелезает между сиденьями. — Мы же недавно заправляли полный бак, а едем всего час!

Я съезжаю к краю грунтовой дороги и глушу двигатель. Нам сейчас только не хватает кусачих или тех же бандитов. Светает. Между деревьями проступает бледный свет, но дальше дорога теряется в тумане.

Вокруг тихо. Я смотрю между стволами, пытаясь разглядеть хоть какое-нибудь движение.

Я беру пистолет в руки и оборачиваюсь к детям.

— Сидите в машине.

Выхожу наружу. Не может же всё сыпаться одно за другим. Только не машина.

Обхожу пикап и замираю. На кузове несколько пробоин, под машиной расползается тёмное пятно. Опускаюсь на колено, и в нос ударяет запах бензина. Твою мать. Из-под бака ещё капает. Похоже, его задело при обстреле, а я целый час ехала и ничего не замечала.

В кузове есть запасная канистра. Я уже тянусь к борту, но останавливаюсь. Куда заливать? Всё снова вытечет. Я даже не вижу, насколько повреждён бак, а лезть под машину и пытаться что-то залепить здесь, посреди дороги, страшно. Запускать двигатель рядом с разлитым бензином тоже не хочу.

Упираюсь ладонью в бок пикапа и опускаю голову. Что нам теперь делать? Я одна. Дети ждут, что я доставлю их к отцу, а до Вашингтона хрен пойми сколько ехать. Без машины мы не унесём ни палатки, ни воду, ни все эти сумки. Придётся взять только самое необходимое. Остальное оставить здесь.

Я зажмуриваюсь. Вдох. Ещё один.

«Ладно, Эвалин…» Голос деда всплывает в голове, спокойный и такой родной. Он всегда называл меня полным именем, если я начинала сдаваться. «Соберись!»

Я выпрямляюсь. Ладно, не время раскисать. Открываю дверь со стороны Люка, собираясь сказать детям, чтобы выходили. Эмма прижимает к себе винтовку. Вдруг за спиной трещит ветка. Я оборачиваюсь, вскидывая пистолет, но не успеваю прицелиться.

— Не двигайся.

На меня направлено чёрное дуло пистолета. Я замираю, не поднимая своё оружие выше.

За стволом вижу светлые голубые глаза. Тёмные волосы влажными прядями прилипли ко лбу, одежда почти сливается с тенью деревьев. Парень стоит совсем близко. Как я могла не услышать его раньше?

— Без резких движений. Утро и так паршивое, — произносит он.

Голос низкий, с хрипотцой, но я едва вслушиваюсь в слова. Смотрю на руку с пистолетом. Она не дрожит. За моей спиной дети, и мне даже не повернуться к ним.

По обе стороны от него шевелятся кусты. Из леса выходят мужчина и женщина, у обоих автоматы. Я перевожу взгляд с одного на другого. Трое. Если их заинтересуют наши вещи, я вряд ли смогу им помешать.

За спиной слышится шорох. Эмма выскакивает из машины и поднимает винтовку. Следом выбирается Люк, одной рукой придерживая слинг, другой неловко вытаскивая револьвер. Незнакомцы мгновенно вскидывают автоматы. Я хочу крикнуть детям, чтобы опустили оружие, но горло сводит.

— Эй-эй. — Мужчина, тот, что вышел из леса, внимательно нас оглядывает и удивлённо замечает: — Это же дети.

— Дети с оружием, позволь заметить, — отвечает парень, который всё ещё целится в меня.

— Опусти пистолет, Мерфи, — говорит мужчина и первым отводит ствол в сторону. — Мы детей не убиваем.

— Если ты получишь пулю в лоб, то это будут не мои проблемы, — бросает парень в ответ.

Он всё же опускает пистолет, но не убирает. Затем сдвигается в сторону, и женщине приходится отвести автомат, чтобы не целиться ему в спину. Теперь он стоит между её стволом и Люком. Я не понимаю, сделал ли он это ради мальчика или просто выбрал место, откуда видит нас всех.

Женщина вешает автомат на плечо. Я медленно опускаю пистолет и поворачиваюсь к детям.

— Уберите оружие.

Эмма медлит, но опускает винтовку. Люк убирает револьвер и снова обхватывает слинг обеими руками.

— Меня зовут Нора, а это мой брат Курт, — обращается ко мне женщина и кивает на мужчину. — Ну а с Мерфи вы уже познакомились. На его любезность можешь не рассчитывать.

— Зато сюрпризов не будет, — бросает он, не сводя с меня глаз.

Курт пропускает это мимо ушей. Нора оглядывается на лес, а я всё ещё слежу за пистолетом в руке Мерфи. Ствол направлен в землю, но хватка не ослабевает. Кажется, стоит нам шевельнуться не так, и он снова прицелится.

Курт подходит ближе и спрашивает:

— Откуда вы и что здесь делаете?

Вблизи он выглядит намного моложе, чем мне казалось ранее. Возможно, немногим старше меня. Карие глаза, тёмные волосы, слегка загорелая кожа и густая щетина. Самый обычный парень, которого можно было встретить на улице.

— На нас напали, — говорю я, обдумывая каждое слово. — Похоже, пробили бак. Бензин вытек, пришлось остановиться. Мы не знали, что здесь кто-то есть.

Из слинга доносится тихое кряхтение. Рози ворочается, и Люк придерживает её крепче. Все взгляды сразу перемещаются к нему. Я делаю шаг назад, ближе к мальчику.

— Что там у тебя? — подозрительно вскидывается Мерфи.

Я закрываю мальчика собой и быстро говорю:

— Это всего лишь младенец.

— Младенец? — Мерфи коротко усмехается, но тут же смотрит в сторону леса. — Прекрасно. Нам только сирены не хватало. Она заорёт, и сюда сбегутся все кусачие в округе.

— Успокойся, Мерфи! — резко говорит Нора, и её тёмные афрокудри подпрыгивают в такт словам.

Курт тем временем обходит машину и останавливается у кузова, рассматривая наши вещи. Я невольно поворачиваюсь за ним. Там всё, что у нас осталось.

— Нам нужна машина, и мы тут же уедем отсюда, — говорю я. — Нам проблемы не нужны.

— И куда вы направляетесь? — спрашивает Курт.

— В Вашингтон. — Пока я готова сказать только это.

— Далековато, — говорит Нора.

— Там толпы кусачих. — Курт задумчиво осматривает меня и детей, потом останавливает взгляд на слинге. — Туда нет смысла ехать, тем более в таком составе.

Мужчина кивает на Рози и спрашивает у Люка:

— Можно?

Люк чуть отстраняется от меня и раскрывает слинг, чтобы показать ребёнка. Курт присвистывает.

— Так зачем вы туда едете? — он задаёт очередной вопрос, и на этот раз его взгляд фокусируется прямо на мне.

И почему мне кажется, что от моего ответа зависит наше будущее?

— Нас там ждут, — коротко роняю я.

— И кто же? — не унимается Курт.

— Отец, — подаёт голос Люк, опережая меня.

Курт вскидывает бровь. Я вздыхаю. Теперь отмалчиваться бессмысленно:

— Я везу детей к их отцу в Вашингтон. Их мать умерла вчера. Её укусили. — Потом не выдерживаю и делаю шаг к Курту. — Послушайте…

— Стой на месте, — слышу напряжённый голос Мерфи, который тут же поднимает руку с пистолетом.

Я останавливаюсь и чуть поднимаю свободную руку.

— Послушайте, мы вам не угроза, — говорю я спокойно, затем обращаюсь к Курту. — Тебе приглянулись наши вещи в пикапе? Мы готовы обменять их на рабочую машину, если она у вас есть.

Курт смотрит на меня несколько секунд, затем отходит к Норе. Они тихо переговариваются, и я не могу разобрать слов.

— Только не говорите, что мы потащим их в лагерь, — произносит Мерфи. — Мы даже не знаем, говорят ли они правду. Кто знает, может, за ними кто-то едет.

Он смотрит на дорогу, по которой мы приехали, потом снова на меня. Я сжимаю рукоять опущенного пистолета. Хочется возразить, но я и сама не знаю, нет ли за нами погони.

— В любом случае, их нужно отвести к Донована, — отрезает Курт. — Он решит, что с ними делать.

— И далеко идти? — спрашивает Эмма, вытягивая свой рюкзак из машины.

— Недалеко, — отвечает Курт и хлопает Мерфи по плечу. — Давай, Блейк, помоги откатить машину за те кусты. Потом пошлю Пайка посмотреть, что можно забрать.

Блейк.

Блейк Мерфи. Я запоминаю имя, хотя обращаться к нему пока совсем не хочется.

Мерфи сбрасывает с плеча руку Курта, но не спорит. Убирает пистолет и подходит к машине.

— Только бак течёт, — предупреждаю я.

Курт кивает и смотрит под машину.

— Заводить не будем.

Я убираю оружие и сажусь за руль. Курт велит поставить передачу на нейтральную и направлять колёса, пока они с Мерфи толкают пикап к кустам.

— Идёмте.

Нора подзывает нас к себе. Прежде чем отойти от машины, забираю свой рюкзак. Телефон и косметичку с инсулином я убрала в него перед сном. Добавляю воду и смесь для Рози. Люк надевает свой рюкзак, пока я устраиваю малышку у себя на груди. Остальные вещи остаются в кузове. Я смотрю на них, но Нора уже ждёт.

— Хорошо, что мы первые наткнулись на вас, — вдруг говорит она.

— Почему? — спрашиваю я, оборачиваясь к ней.

— Здесь орудует одна банда. Пытаемся с ними договориться, но пока без толку. Нападают на патрули, убивают наших людей, грабят машины с продовольствием. Повезло Донована в самом начале заражения вывезти из оружейного магазина кучу добра. — Нора поправляет ремень автомата. — Иначе нас бы давно перебили.

— Почему бы вам не найти более безопасное место? — говорю я.

— Когда увидишь лагерь, сама всё поймёшь. — К нам подходит Курт и, подбирая свои вещи, двигается в чащу леса. — Выдвигаемся.

Нора следует за братом, даже не оборачиваясь. Она уверена, что мы пойдём следом. Без машины я детей далеко не уведу. Придётся поговорить с Донованом.

Мерфи остаётся у края дороги. Коротким кивком указывает нам на тропу, а сам ещё раз оглядывается на лес. Пропускаю детей вперёд. Эмма и Люк идут за Норой, настороженно оглядываясь. Теперь между мной и Мерфи всего пара метров.

Он делает шаг в сторону, пропуская меня, но уходить вперёд не собирается.

— Шевелись, принцесса, — бросает он, и в его голосе слышится только раздражение.

Принцесса? Я поднимаю на него глаза, но спорить нет ни сил, ни желания. Молча прохожу мимо, поправляя лямки рюкзака. Его мнение обо мне сейчас занимает последнее место в списке моих проблем.

За спиной раздаются его шаги. Может, он прикрывает нас. А может, следит, чтобы никто не свернул с тропы. Я придерживаю Рози и прибавляю шаг, догоняя детей.

Глава 3. Туманная тропа

Мы идём молча по едва заметной тропинке, петляющей сквозь лес. Туман быстро густеет. Впереди Курт, за ним Нора с детьми, а Мерфи замыкает цепочку. Воздух влажный, холодный, пахнет прелой листвой. Ткань слинга липнет к шее, и я поправляю лямку, стараясь устроить Рози поудобнее. Иногда сзади хрустит ветка, и мне хочется оглянуться, проверить, далеко ли Мерфи.

Я смотрю на часы. Скоро семь. Майкл будет ждать звонка, а я всё ещё не знаю, как поговорить с ним так, чтобы никто из незнакомцев не услышал. Телефон лежит в рюкзаке. На ходу его не достать, придётся дождаться остановки.

За туманом почти ничего не видно, и я прислушиваюсь к каждому шороху. Вдыхаю влажный воздух, пытаясь унять дрожь в руках. Ноги вязнут в сырой земле, подошвы отлипают с тихим чавканьем. Даже ветки под ногами хрустят как-то глухо. Пахнет мокрой древесиной, но вскоре к этому запаху примешивается другой. Я невольно задерживаю дыхание. Гниющая трава, протухшее мясо и железо. Так пахнут кусачие.

Хочу спросить у Курта, часто ли они проверяют этот лес, но он уже ушёл вперёд. Оборачиваюсь к Мерфи. Он замечает меня и чуть приподнимает бровь. Я открываю рот, но он снова смотрит в туман. Стискиваю зубы и отворачиваюсь. Понятно. Разговаривать со мной он не собирается.

Поправляю край слинга и заглядываю внутрь. Малышка всё так же спокойна. Слишком спокойна. Я снова вспоминаю квартиру над ломбардом. Когда я достала Рози, её мать уже была укушена. А что, если зараза успела попасть к ней, пока она ещё была в животе?

Меня бросает в жар. Ну почему я не проверила ту проклятую дверь сразу? Может, тогда всё было бы иначе.

С виду Рози ничем не отличается от обычного младенца, только глаза непривычно тёмные. Этого мало, чтобы что-то понять, но теперь я присматриваюсь к каждому её движению. Пока знаю одно: никому нельзя рассказывать, как она родилась. Нужно поговорить с Люком и Эммой, чтобы они тоже молчали.

Между деревьями по-прежнему стоит туман. Я смотрю под ноги, где хотя бы можно различить мох, старые ветки и почерневшие мокрые листья.

Перешагиваю через выступающий из земли корень и останавливаюсь. В грязи передо мной заметна впадина. Что это? След?

Вглядываюсь внимательнее, делаю шаг вперёд и замечаю ещё один отпечаток, а за ним следующий. Следы свежие, глубокие. Они пересекают нашу тропу и теряются в тумане по другую сторону.

Я прислушиваюсь, не поднимая головы.

— Ты чего встала? — глухо спрашивает Мерфи.

— Здесь кто-то прошёл, — отвечаю я вполголоса. — Совсем недавно. Похоже, их было много.

Рука тянется к кобуре, но я останавливаю себя. Если рядом кусачие, выстрел только привлечёт остальных.

Поднимаю голову. Курта, Нору и Эмму уже не видно. На развилке мелькает спина Люка. Я тихо окликаю его, но он, не оборачиваясь, сворачивает на правую тропу и скрывается в тумане. Крикнуть громче я боюсь. Снова смотрю на следы, пытаясь понять, действительно ли здесь прошли кусачие.

Мерфи подходит ближе и останавливается у меня за спиной. Я чуть отступаю в сторону, чтобы он тоже мог рассмотреть следы. Он хмурится, глядя на развороченную грязь.

— Это не следы Курта или Норы?

— Сам посмотри. Эти идут поперёк тропы. И их слишком много. — Я снова принюхиваюсь. — Разве ты не чувствуешь запах?

Мерфи наклоняется и касается длинными пальцами края одного из отпечатков.

— Чёрт. Если ты права и это кусачие, то они где-то рядом.

— Может, прошли прямо перед нами, — шепчу я. — В таком тумане мы бы их и не заметили.

В глубине леса хрустит ветка. Мы одновременно поворачиваемся на звук. Я задерживаю дыхание и всматриваюсь в туман. Ничего не видно, но хруст раздался совсем близко.

Мерфи выпрямляется.

— Надо догнать остальных. Сейчас, пока кто-нибудь не заорал и все не разбежались, как в дешёвом ужастике.

— Ты о себе? — шепчу я, пытаясь справиться с дрожью в голосе.

— Прости, принцесса, но если придётся бежать, задерживаться я не собираюсь.

Я оставляю его колкость без ответа. Мерфи смотрит по сторонам, словно выбирает, куда отступить. По нему не скажешь, что он напуган. А я всё думаю: если придётся бежать, станет ли он ждать меня?

— Я не вижу Курта с Норой. Я не могу бросить детей, — чеканю я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Мерфи кривится, и в этом жесте столько неприкрытого раздражения, что мне хочется его ударить.

— И что ты предлагаешь? Лезть прямо к ним? — Он кивает на слинг. — Ещё и с этой бомбой замедленного действия?

— Она спит, — отвечаю я, стараясь не повышать голоса. — Пока самый шумный здесь ты.

От его тона и вечных подколок только сильнее злюсь. Но сейчас не до споров: дети всё дальше, а мы стоим здесь и препираемся.

— Курт вёл нас по тропе, я видела, в какую сторону. Ты можешь показать дорогу? Вывести нас к лагерю?

— Если бы я был местным, показал бы, — холодно отвечает он.

Я поднимаю на него глаза, не сразу понимая, что он имеет в виду. До этого Мерфи держался так уверенно, будто точно знал, куда идти.

— В каком смысле?

— В прямом. Я в лагере Донована всего неделю. Это моя первая вылазка за периметр, — нехотя бросает он и отводит взгляд. На скулах проступают желваки.

— Отлично, — выдыхаю я. — Просто прекрасно. Значит, мы оба понятия не имеем, куда идти.

Я коротко, нервно смеюсь и тут же зажимаю рот ладонью. Вокруг слишком тихо. Мерфи резко смотрит на меня, потом снова поворачивается к лесу. Я больше не решаюсь издать ни звука.

Где-то справа снова раздаётся хруст. На этот раз отчётливый. Я резко оборачиваюсь и всматриваюсь в серую мглу до рези в глазах.

Замечаю движение. Между искривленными стволами мелькает фигура. Невысокая, узкоплечая. Походка кажется знакомой… Люк?

Сердце бьётся чаще. Я подаюсь вперёд, пытаясь разглядеть его.

— Я кого-то видела, — выдыхаю я и делаю шаг.

— Серьёзно? — шипит Мерфи.

Его пальцы сжимают моё плечо. Он разворачивает меня к себе, и я придерживаю слинг, едва удержавшись на ногах.

— В этом тумане любой сучок может показаться старым приятелем.

Я с раздражением смотрю на него. Плечо пульсирует от его прикосновения. Его лицо так близко, что я чувствую его дыхание, но он постоянно отвлекается, переводя взгляд туда, где только что промелькнула чья-то тень.

— Можешь остаться, если хочешь, — шепчу я.

Резко дёргаю плечом, освобождаясь от его руки, и шагаю вперёд. Фигура, которую я приняла за Люка, снова мелькает между деревьями.

— Ладно, как скажешь, — бросает Мерфи мне вслед. — Только если всё пойдёт по заднице, не жди от меня чудес.

Я не отвечаю. Иду туда, где видела фигуру, стараясь больше не потерять её из виду. Влага оседает на лице, ветки цепляются за рюкзак. Приходится обходить деревья, и вскоре я уже не понимаю, где осталась тропа. Надеюсь, Мерфи идёт за мной.

— Мерфи, ты идёшь? — шепчу я, не оглядываясь. Боюсь потерять фигуру, которую приняла за Люка.

Тишина.

Я резко оборачиваюсь. За спиной только туман, и Мерфи нигде не видно.

Неужели он бросил меня? Или просто отстал? Прислушиваюсь, надеясь услышать шаги, но в ушах стучит собственный пульс. Хочется позвать ещё раз. Вместо этого я стискиваю зубы и иду дальше: возвращаться теперь тоже непонятно куда.

Позади что-то громко шуршит. Я замираю и задерживаю дыхание. Инстинктивно прикрываю слинг руками и всматриваюсь в туман. Между деревьями никого не видно. Шорох повторяется, уже намного ближе. Куда идти? Боюсь сделать шаг и оказаться прямо перед тем, кто прячется в тумане.

Медленно пячусь, чувствуя, как пятки утопают в сырой земле. В ботинки просачивается холодная вода. Пахнет мхом и тошнотворной гнилью.

И вдруг из тумана проступает он.

Первое, что бросается мне в глаза, — мутные, выцветшие белки глаз. Затем взгляд падает на серую кожу, которая туго обтягивает скулы. На щеках лохмотьями висит ободранная плоть, губы разорваны, обнажая дёсны и зубы. Но выглядит он совсем не слабым: под ошмётками одежды перекатываются плотные, жилистые мышцы.

Он делает шаг и коротко дёргает головой. Замирает, а затем из тумана выходят ещё двое. Меня прошибает холодный пот. Я перевожу взгляд с одного на другого, пытаясь найти просвет, через который можно выскочить, но они слишком близко.

Рози шевелится в слинге и тихо кряхтит во сне. Я слышу этот звук слишком отчётливо.

Кусачие одновременно поворачивают головы ко мне.

Я замираю. Пальцы впиваются в ткань слинга, ноги утопают в мокрой земле. Пистолет у бедра, но я боюсь даже опустить руку: пока вытащу, ближайший уже дотянется до ребёнка. Только бы Рози молчала. Я смотрю на кусачих, ожидая, что сейчас они бросятся на нас.

Но твари подходят медленно. Их головы поворачиваются из стороны в сторону, словно они принюхиваются. От них исходит резкий запах разложения и ржавчины. Меня начинает мутить, но я не могу отвести взгляд.

Ближайший кусачий останавливается передо мной. На щеке у него шевелится лоскут кожи, из разорванного рта тянет гнилью. Я вжимаюсь спиной в дерево, а он наклоняется к слингу и замирает. Раздаётся короткий влажный вдох.

Кажется, он нюхает Рози.

Я задерживаю дыхание. Только не просыпайся. Пожалуйста, малышка, только не просыпайся. Жду, что он вот-вот вцепится в ткань, но кусачий стоит неподвижно, склонив голову набок.

Почему он не нападает?

Вдалеке раздаётся крик. Пронзительный и надрывный. Человеческий.

Твари вскидывают головы. Кусачий передо мной выпрямляется, поворачиваясь на звук. Ещё мгновение, и все трое бросаются прочь, один за другим исчезая в тумане.

Я ещё несколько секунд стою неподвижно. Потом судорожно втягиваю воздух, и из горла вырывается всхлип.

Мы могли… Мы только что…

Меня начинает трясти. Я опираюсь о шершавый ствол дерева, боясь, что ноги не удержат. В висках стучит, горло пересохло. Пытаюсь отдышаться, всё ещё глядя туда, где исчезли кусачие.

Почему он медлил? Я видела зубы прямо над слингом, чувствовала его дыхание на коже. Если бы не крик, он бы всё-таки напал? От этой мысли я только крепче прижимаю малышку.

Дрожащими пальцами оттягиваю край ткани. Рози уже проснулась. Смотрит на меня тёмными глазками и вытягивает губы. Я поправляю слинг, прикрывая её от холода.

Перед глазами плывут пятна. Я помню, что ела и делала укол вчера вечером, но что сейчас с сахаром, не знаю. Нужно проверить, но сначала надо выбраться отсюда и найти детей.

Я ещё немного стою, опираясь на дерево, потом осторожно делаю шаг, затем другой. Через пару минут чья-то рука крепко хватает меня за плечо и резко разворачивает.

Пистолет оказывается у меня в руке раньше, чем я успеваю сообразить, кто передо мной. Узнав голубые глаза, я останавливаю руку и опускаю ствол.

— Мерфи! — выдыхаю я, не зная, злиться или радоваться. — Какого чёрта? Где ты был?!

— Шёл за тобой, но потерял из виду.

Он разжимает пальцы на моём плече, но не отходит.

Я убираю пистолет. По спине стекает холодная капля пота. Как давно он здесь? Что успел увидеть? Мерфи внимательно смотрит на меня, и я стараюсь не выдать волнения.

— Я слышал крик, — говорит он тише.

— Да, я тоже. Трое кусачих побежали на звук. — Я машу рукой в ту сторону, стараясь говорить ровно.

— Ты столкнулась с ними?

Мерфи хмурится и смотрит на слинг. Мне хочется отступить, прикрыть Рози рукой, но я заставляю себя стоять спокойно. Нет, о том, что произошло, ему пока лучше не знать.

— Слышала их совсем близко, — лгу я, стараясь не отводить глаз. — Ты видел Курта и Нору?

Мерфи молчит несколько долгих секунд. Мне кажется, он не верит. Я всё ещё дрожу и никак не могу отдышаться. Слишком заметно, как сильно я испугалась.

— Нет, — наконец отвечает он, уже без насмешки. — Но туман рассеивается. Кажется, я начинаю узнавать местность.

— Кажется? — переспрашиваю я.

Мерфи отводит взгляд к поваленной ели с вывернутыми корнями. За редеющим туманом теперь видно её целиком. Он прищуривается и кивает:

— Туда. Я помню это дерево. Мы проходили мимо, когда Курт вёл нас на вылазку.

— Ты уверен? — спрашиваю я, глядя на дерево. Мне хочется его поддеть, но ещё больше хочется наконец найти детей.

Он оборачивается и с нарочитой любезностью предлагает:

— Можешь остаться здесь, если хочешь.

Возвращает мне мою же фразу. Я фыркаю, но иду за ним.

Минут пятнадцать мы молча пробираемся между деревьями, прислушиваясь к каждому шороху. Наконец впереди раздаются приглушённые голоса. Мерфи поднимает руку, останавливая меня, но я уже узнаю низкий мужской голос.

— Это Курт! — вырывается у меня.

Я тороплюсь вперёд, не обращая внимания на раздражённое цоканье Мерфи за спиной. Пробираюсь сквозь кустарник, раздвигая ветки. Мокрые листья хлещут по лицу, цепляются за одежду. Ещё несколько шагов, и я выхожу на небольшую поляну. Здесь туман редеет, и после серой мглы утренний свет кажется непривычно ярким.

В центре поляны стоят Курт и Нора.

Курт держит автомат у плеча. Нора рядом с ним напряжённо прислушивается. Стоит мне показаться из-за веток, как оба разворачиваются ко мне. Стволы направлены прямо мне в грудь.

Похоже, брать меня на прицел уже становится традицией.

— Эй, полегче! — Мерфи выходит из-за деревьев следом за мной и неторопливо поднимает одну руку. — Это всего лишь мы.

Рядом с Норой замечаю Эмму и Люка. Бледные, с оружием в руках. Эмма сжимает винтовку так, что белеют пальцы, а у Люка дрожит ствол. Узнав меня, он торопливо опускает револьвер.

— Лин?!

От того, как он произносит моё имя, у меня щемит сердце. Он убирает оружие и бросается ко мне. Обхватывает за талию, прижимаясь сбоку, чтобы не задеть Рози. Я чувствую, как он дрожит, но уже через секунду Люк отстраняется. Выпрямляется и шмыгает носом, стараясь на меня не смотреть.

— Всё хорошо, я здесь, — шепчу я и ненадолго сжимаю его предплечье.

Эмма подходит следом. Она смотрит на меня, затем на Рози, будто проверяя, целы ли мы обе. Потом опускает глаза к своим ботинкам.

— Ты как? — спрашиваю у неё.

— Нормально, — ворчливо отзывается она, поправляя лямку рюкзака. — Думали, ты уже того… заблудилась окончательно. Как мелкая?

— Наверное, есть хочет, возится. А так всё хорошо.

Нора и Курт подходят к нам.

— Оглянулся, а вас уже нет, — негромко говорит Курт. — Вернулись до развилки, дальше не рискнули. Тут недалеко кусачие.

Я киваю, не отпуская плечо Люка. Мы ведь отстали всего на несколько шагов.

— Мы слышали крик, — говорит Нора.

— Мы тоже. — Я киваю.

— Похоже, в этом лесу мы были не одни, — мрачно заключает Курт, проверяя магазин автомата.

— Мы не вернулись вовремя, — предполагает его сестра. — Может, Донован отправил кого-то за нами?

— Кто бы это ни был, спасибо ему за то, что отвлёк внимание. Жаль, что лично поблагодарить уже не выйдет. — Мерфи криво усмехается.

— Блейк, не будь подонком, — вспыхивает Нора. — Он мог ещё остаться в живых.

Мерфи лишь пожимает плечами и отворачивается. По его лицу уже ничего не понять.

— Ну, и что теперь? — Нора поворачивается к брату.

— Туман скоро рассеется, — отвечает Курт. — Надо выдвигаться.

— Нам нужно пять минут, — перебиваю я.

Голос звучит глухо, и я прячу руки в складках куртки, чтобы никто не заметил, как они дрожат.

Все трое разом оборачиваются ко мне.

— Пять минут, — повторяю я твёрже. — Нужно покормить Рози.

Начинаю осторожно развязывать слинг. Люк подходит и протягивает руки, готовый принять малышку.

Мерфи недовольно смотрит на меня, затем на Курта, ожидая, что тот возразит.

— Замечательно, — цедит он. — А давайте ещё костёр разведём и песни попоём, пока нас не съели. Мы вообще-то не на пикнике.

Курт поворачивается к нему. Несколько секунд они смотрят друг на друга. Мерфи сжимает челюсти.

— Мы подождём, — отрезает Курт. — А ты присмотри за ними, Блейк. Мы с Норой проверим подходы.

Я жду, что Мерфи снова начнёт спорить, но он лишь усмехается и бурчит что-то себе под нос.

Шумно выдохнув, он отходит в сторону и усаживается на поваленное дерево, положив пистолет на колено. Курт и Нора расходятся по краям поляны, прислушиваясь к лесу. Эмма достаёт термос из рюкзака Люка. Я снимаю свой рюкзак, вынимаю банку со смесью и передаю ей. Я отдаю малышку Люку и помогаю ему устроиться, пока Эмма готовит бутылочку.

Пока дети занимаются Рози, я прислоняюсь лопатками к холодной, шершавой коре дерева. Ноги всё ещё подкашиваются. Достаю из рюкзака косметичку и замечаю телефон. Мерфи сидит слишком близко. Придётся позвонить позже. Сначала проверяю сахар, потом беру шприц-ручку и смотрю, сколько в ней осталось инсулина. Ещё на пару раз, не больше. Кроме неё, у меня только две полные ручки. Скоро снова придётся искать аптеку.

Я расстёгиваю толстовку и поднимаю майку. От холодного воздуха по животу бегут мурашки. Привычным движением ввожу иглу и нажимаю на кнопку шприц-ручки.

Прикрываю глаза, прислоняясь затылком к стволу. Считаю про себя, прежде чем вынуть иглу: один, два, три… десять.

Выдыхаю и опускаю майку. С этим закончила. Теперь бы хоть немного прийти в себя.

Открываю глаза и замечаю, что Мерфи смотрит на меня. Он не отворачивается. Жалости на его лице нет, но понять, о чём он думает, я не могу. Нора с Куртом тоже поглядывают в мою сторону. Интересно, теперь они считают меня обузой? Ведь все мы понимаем, что без лекарства я далеко не уйду.

Я делаю вид, что не замечаю их внимания, и убираю ручку в косметичку. Сажусь на ближайшее поваленное дерево и закрываю глаза. Нужно немного отдохнуть. Время для звонка Майклу уже прошло, а мы всё ещё не одни. Постараюсь найти безопасное место в лагере, куда мы идём, и там позвонить Гранту.

Через несколько минут рядом раздаётся негромкий голос Норы:

— Хочешь перекусить?

Она достаёт из бокового кармана рюкзака помятый пакет. Внутри лежат полоски жёсткого сушёного мяса и горсть орехов. От запаха еды рот наполняется слюной. Я беру немного, а остальное передаю Эмме, чтобы она поделилась с братом.

— Спасибо, — искренне говорю я девушке.

Нора кивает и встаёт рядом, прислонившись плечом к соседнему дереву. Она внимательно наблюдает, как я жую, а затем спрашивает:

— Тебя ведь Лин зовут?

— Эвалин Вернер. Но можно просто Лин, — отвечаю я и киваю в сторону детей. — Это Эмма и Люк.

— А мелкую?

— Рози, — отвечаю я, и на сердце становится чуть теплее от этого имени. — Мы назвали её Роуз.

— Мило. — Нора коротко улыбается. — Красивое имя.

Мы обе замолкаем, глядя на Люка. Он сидит на большом камне и кормит малышку из бутылочки. Держит её уверенно, но плечи напряжены, губы плотно сжаты. Он следит за каждым её глотком и даже не поднимает на нас глаз.

— Откуда вы? — продолжает Нора, сделав глоток из фляги. — Я имею в виду, до всего этого… Где вы жили?

— В пригороде Майами.

— Ого, — присвистывает Курт, подходя ближе. — Говорят, там был сущий ад, когда всё началось. Крупные города превратились в бойни за считанные часы.

— Так и было, — коротко отвечаю я.

На мгновение перед глазами снова возникает залитая солнцем лужайка. Мои руки дрожат, пока я целюсь в мистера Трента. Выстрел, звон в ушах. Я не слышу начала вопроса Норы.

— …почему вы забрались так далеко? — спрашивает она. — Вы не пытались попасть в пункт временного размещения? Их ведь по всей стране открывали.

— Там было не безопаснее, чем в Майами, — отвечаю я резче, чем собиралась.

Сжимаю пальцами край толстовки, пытаясь отвлечься от воспоминания. Почему она спрашивает так, будто мы просто не подумали туда пойти? Нора молчит, ожидая ответа, и я заставляю себя разжать руку.

— Большинство пунктов, о которых мы слышали, пало в первую же неделю, — продолжаю я. — Где-то прорвались кусачие, где-то всё захватили мародеры. Мы решили уехать, пока по дорогам ещё можно было проехать.

— Мы тоже не стали туда соваться. — Курт кивает. — Слишком много людей в одном месте.

— А в Вашингтон почему только сейчас? — вклинивается Мерфи.

— Мы не знали, куда ехать.

Он молчит, ожидая продолжения. Я выдерживаю его взгляд.

— Только вчера удалось связаться с Майклом. Незадолго до того, как Шэрон, их мать… погибла.

Никто не отвечает. Курт отводит глаза, Нора сминает пустую обёртку от пайка. Я жалею, что сказала это при детях, но забирать слова уже поздно.

— Мы закончили, — тихо говорит Люк.

Он передаёт мне Рози. Я прижимаю её к себе и немного успокаиваюсь, чувствуя тепло сквозь одежду.

— Уходим отсюда, — бросает Курт, поправляя ремень автомата. — Пять минут давно прошли. Надо предупредить лагерь, пусть высылают зачистку. Эти твари слишком близко к периметру.

Пока Курт и Нора проверяют снаряжение, Мерфи неторопливо поднимается с бревна. Я затягиваю узлы слинга и замечаю, что он смотрит на мои всё ещё дрожащие руки.

— Значит, ты их только слышала? — Он останавливается рядом и понижает голос, чтобы остальные не слышали.

Я поднимаю на него глаза.

— Кого? — спрашиваю я и тут же жалею об этом. Мерфи смотрит на меня так, будто лучше бы я промолчала.

Он подходит ещё ближе. От его одежды пахнет хвоей. Мерфи ненадолго смотрит на слинг, затем наклоняется к моему уху.

— Я видел одного над слингом, до того крика. Он стоял прямо перед вами и не нападал.

Пальцы замирают на узле. Значит, он снова увидел меня ещё до крика. Но когда? Только в последний момент? Или всё это время стоял и смотрел?

— Их отвлекли, — отвечаю я. Голос звучит слишком тихо. — Ты сам слышал.

— Может быть. — Он снова смотрит на Рози. — Только раньше они так не мялись.

Я жду, что он продолжит, но Мерфи молчит.

— Что ты хочешь сказать?

— Пока ничего. Что это было, я не знаю. Но ты, похоже, решила об этом умолчать.

— А ты? Расскажешь остальным?

Он переводит взгляд на Курта и Нору.

— Пока нет. И не вздумай проверять, повезёт ли во второй раз.

Мерфи отступает и идёт к Курту, оставляя меня с незатянутым узлом в руках.

Я торопливо закрепляю слинг и смотрю ему вслед. Мерфи что-то бросает Курту, тот коротко смеётся. Мне не слышно слов, и я задерживаю дыхание, пока оба снова не поворачиваются к тропе.

Он знает, что произошло, хотя вряд ли понимает больше меня. Но мог рассказать остальным, а вместо этого подошёл ко мне. Не знаю, чего он ждёт. В его «пока» нет ничего похожего на обещание, и всё же я цепляюсь за это слово.

Кто ты такой на самом деле, Блейк Мерфи?

— Не отставай, Лин! — окликает Нора, махнув рукой.

Я заставляю себя идти. Ещё минут пятнадцать мы пробираемся между деревьями, пока лес не начинает редеть. Остатки тумана стелются над травой. Впереди проступают стальные конструкции.

За деревьями появляется здание из красного кирпича. Дальше виднеются серые силуэты города, но здесь есть признаки жизни: из трубы поднимается тонкая струйка дыма. На фасаде замечаю надпись: «Ред-Крик Ярд», железнодорожное депо.

Здание окружает высокий забор, собранный из всего, что нашлось под рукой: шпал, кусков рельсов, листов железа. В одном месте вижу даже обшивку вагона с цельным окном из мутного стекла. Выглядит всё это уродливо, но кажется прочным.

По углам стоят деревянные вышки. На одной человек ходит от края к краю, на другой кто-то курит. Ближний к нам охранник поднимает винтовку. Курт машет ему, и только после этого ствол опускается. Я невольно выдыхаю.

Между лесом и депо раскинулось небольшое поле. Земля здесь изрыта и неровная, покрыта чёрными пятнами. Кажется, недавно здесь что-то жгли.

Двое мужчин тащат за ноги тела кусачих по вытоптанной полосе вдоль забора. Они переговариваются, словно заняты рутинной работой. Куда они их уносят? Что с ними делают?

Меня отвлекает Мерфи, он фыркает за спиной:

— Дом, милый дом.

Не рай, конечно, но здесь, кажется, можно хотя бы передохнуть, прежде чем двигаться дальше. Вспоминаю слова Курта: «Поймёшь, когда увидишь лагерь». Пока я вижу только забор и охрану. Может, этого уже достаточно, чтобы держаться за такое место.

Я собираюсь сделать шаг, но Курт поднимает руку, преграждая путь.

— Дальше идёте строго за мной. Ни на шаг в сторону. Ступайте след в след.

Он оглядывает нас, проверяя, все ли слушают.

— Поле заминировано.

Я снова смотрю на землю перед собой. До сих пор казалось, что опасность осталась за спиной, в лесу. Во рту пересыхает. Хочется переспросить, но я только киваю и крепче прижимаю Рози.

Курт первым выходит на узкую полосу примятой земли, Нора ведёт за ним детей. Я собираюсь двинуться следом, но Мерфи занимает место передо мной и оглядывается.

— Смотри, куда ставишь ноги, принцесса. Здесь второй попытки не будет.

Я стискиваю зубы и смотрю на его ботинки. Приходится то и дело поднимать голову, проверяя, не отстали ли дети от Норы.

Мы движемся цепочкой, молча, стараясь не отставать друг от друга. Я смотрю под ноги, наступая в чужие следы, но то и дело замечаю выжженные пятна в траве. Когда мы наконец останавливаемся, я с ужасом понимаю, что совсем не запомнила путь. Если придётся возвращаться через это поле, я не буду знать, куда наступать.

Курт машет мужчине на вышке. Тот выкрикивает короткую команду, и за забором раздаётся протяжный скрип. Тяжёлые ворота медленно открываются. До нас доносятся гул голосов и запах жареного. После леса и тумана всё это кажется почти домашним.

У ворот нас встречает мужчина с планшетом для бумаг. Он не торопится отойти с дороги, разглядывает детей, слинг, наше оружие. В планшете несколько листов, исписанных мелким почерком.

— Вы задержались, — говорит он Курту и делает пометку в планшете.

— Да, наткнулись на группу туристов, — отвечает Курт, кивая головой в нашу сторону.

— У нас мест нет для новичков, — жёстко бросает мужчина. — Сегодня взяли последнего.

— Кто-то набрёл на лагерь? — удивляется Курт.

— Если можно так сказать, — туманно отвечает тот. — В любом случае, Донован распорядился, чтобы больше никого не брали.

— Они не собираются оставаться, — говорит Курт и смотрит на меня, будто ожидая подтверждения своих слов.

Я киваю.

— Они предложили обмен, — продолжает Курт. — Клинт, надо отправить ребят по нашему маршруту до просёлочной дороги. Там пикап с пробитым баком и припасами. Пайк посмотрит, что можно забрать. А этих я отведу к Доновану.

Клинт делает пометку, затем берёт рацию и негромко передаёт распоряжение. Когда заканчивает, снова смотрит на нас.

— Имена.

Я называю себя и детей. Он записывает, не задавая лишних вопросов, потом кивает на винтовку Эммы.

— Внутри без нужды за оружие не хвататься. Курт, за них отвечаешь.

— Понял.

Я дожидаюсь, пока дети кивнут, и только тогда делаю шаг за ворота.

— Мы наткнулись в лесу на кусачих, — добавляет Курт. — Надо зачистить территорию. И слышали крик, совсем недалеко отсюда.

— Из наших там были только вы, — хмурится Клинт. — Отправлю с Пайком группу зачистки, посмотрят, что к чему.

— Хорошо, — соглашается Курт. — Где Донован?

— В ремонтном с Рафаэлем.

— Нора, Мерфи, вы свободны, — бросает Курт и переводит взгляд на меня. — Идите за мной.

Мне ничего не остаётся, как следовать за ним. Пока есть время, осматриваюсь. Территория небольшая, и почти всё пространство занимает массивное здание из красного кирпича. Нора и Мерфи направляются к боковому входу, и я невольно провожаю их взглядом, пока они не скрываются в тени дверного проёма.

Первым делом замечаю, как здесь чисто. Никакого хаоса и запустения, к которым я привыкла в городах. Вокруг ходят люди, занятые своими делами, переговариваются, на ходу кивают Курту. Поодаль стоят легковушка и два потрёпанных внедорожника. При виде машин появляется надежда: если здесь есть ещё и топливо, возможно, нам удастся продолжить путь не пешком.

Рядом с парковкой — закрытый гараж. От него в разные стороны тянутся провода, изнутри доносится ровный гул генераторов. Перед входом стоит вооружённый часовой. Он внимательно провожает нас взглядом.

Мы обходим здание, и я замечаю рельсы. Они тянутся вдоль депо и уходят за массивные ворота. Рядом ещё один часовой смотрит наружу. Я невольно подгоняю себя и стараюсь

не отставать от остальных. Здесь порядок, есть транспорт и электричество, но от количества вооружённых людей мне не по себе.

За путями виднеются жилые постройки: старые вагоны, установленные прямо на земле и превращённые в дома, деревянные лачуги, обитые листами железа, и несколько армейских палаток. Интересно, сколько здесь живёт человек?

Мы идём вдоль рельсов к ангару. Из дверей выходит мужчина, делает пару шагов и достаёт сигарету. Неторопливо закуривает, не сводя с нас глаз.

Даже издалека видно, какой он сухой и жилистый. На плечи наброшена поношенная армейская куртка. На шее висит жетон, у бедра — кобура.

Когда мы подходим ближе, я встречаюсь с ним взглядом и невольно замедляю шаг. У него резкие черты лица, глубокие морщины и серые глаза. Он стоит неподвижно, по очереди разглядывая каждого из нас. Ни улыбки, ни приветствия.

Почему-то сразу кажется, что жаловаться ему бесполезно. Я мысленно перебираю то, что осталось в машине: палатки, вода, запасной бензин. Хватит ли этого на обмен? Мужчина молчит, и я крепче сжимаю лямку рюкзака.

Мы останавливаемся перед ним. Пахнет машинным маслом и сигаретным дымом. Я вдыхаю, дым щиплет горло, и я невольно откашливаюсь, нарушая тишину.

— Донован, — первым говорит Курт. — Это Эвалин. Мы нашли её с детьми на просёлочной дороге. При обстреле им пробили бак. Она попросила помощи, предложила взамен пикап и вещи.

Донован ещё раз оглядывает нас, сплёвывает в сторону и поворачивается к Курту.

— И что у них есть такого, чего нет у нас? — лениво спрашивает он.

— Бензин, вещи, палатки, — отвечаю я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Всё, что может понадобиться для долгих вылазок.

Донован выдыхает облако дыма.

— И чего ты хочешь взамен?

— Машину.

— Ты слышал? — Он хрипло усмехается, обращаясь к Курту. — Машину!

— Донован… — начинает Курт, но тот обрывает его резким жестом.

— У меня на этих машинах люди за водой и едой ездят, Эвалин. Они мне нужнее ваших палаток.

Он бросает сигарету и растирает её носком армейского ботинка. Я торопливо подбираю слова, но ничего не приходит в голову. Донован уже поглядывает в сторону ангара. Ещё немного — и он просто уйдёт.

— Вы можете забрать наш пикап, — быстро добавляю я. — Его наверняка можно починить. Мы отдаём вам его со всеми вещами. Взамен я прошу только исправную машину.

— То есть свою рабочую отдать, а вашу ещё чинить? — Донован смотрит на Курта. — И моих людей туда отправлять. Как видишь, они и без того не сидят без дела.

Я опускаю глаза. Пока мы ждём, из ангара двое мужчин выкатывают тяжёлую тележку. Донован отступает, пропуская их, и я торопливо заговариваю снова:

— Нам больше не к кому обратиться. Курт сказал, что вы можете помочь.

— Курт много чего говорит.

Я замолкаю, не ожидая такого отпора. Ещё немного, и я потеряю даже крохотный шанс на помощь.

— Вы ведь не просто так собрали здесь людей, — тихо продолжаю я. — Дали им место, где можно жить. Неужели для нас ничего нельзя сделать?

— Думаешь, разжалобишь меня? — спрашивает он почти шёпотом. — Я не могу раздавать машины каждому, кто дошёл до ворот.

Рози кряхтит и шевелится в слинге. Я поправляю её, даю соску. Донован на секунду задерживает взгляд на ребёнке, потом снова смотрит на меня.

— Посмотрите на них…

Я оборачиваюсь к детям. Люк смотрит исподлобья, напряжённо и сердито. Эмма бледная, плечи мелко дрожат.

— Ты отнимаешь у меня время.

Он уже собирается уйти.

— Их мать погибла вчера, — говорю я ему вслед. — Остался только отец. Он ждёт их в Вашингтоне. Мы не просим оставить нас здесь насовсем.

Донован останавливается вполоборота. Жетон на его шее выглядывает из-под воротника, и я смотрю на него, пытаясь придумать, что ещё сказать.

— Нам просто нужно добраться до него.

Он молчит. Люк вдруг делает шаг вперёд и встаёт рядом со мной, выпрямив спину.

— Папа говорил, что военные помогают людям, — вдруг произносит Люк.

Донован поворачивается к нему. Я беру Люка за плечо, пытаясь удержать рядом, но он не отступает.

— Я помогаю своим людям, — отвечает Донован.

— Мы ничего плохого не сделали, — говорит Люк. — Почему вы хотите нас выгнать?

Люк шумно втягивает воздух. Я чувствую, как напряглось его плечо под моей ладонью.

— Мы просто хотим к папе. Он военный, как и вы. Он бы вам помог.

Никто не отвечает. Донован смотрит на Люка сверху вниз, сжав челюсти.

— Ты много болтаешь, пацан. Это не доведёт тебя до добра.

Он переводит взгляд на меня, потом на Рози. Курт откашливается.

— Босс, Люсинда сегодня отправляется в Эшборн. Им как раз в ту сторону. Можно отправить их с ней, не отдавая машину. Рейс всё равно идёт.

— И куда ты их посадишь? — Донован смотрит на Курта. — Груз оставишь?

— Потеснятся с сопровождающими. Груз не тронем. Они отдают пикап и припасы, нам не нужно менять маршрут.

Донован молчит. Я уже открываю рот, но Курт едва заметно качает головой. Приходится ждать, сжимая плечо Люка.

— Всё, что осталось в машине, идёт на склад, — наконец говорит Донован. — Личные рюкзаки оставите себе. Это за проезд, не за место в лагере.

Я киваю. Палатки, вода, почти вся еда. Вчера этого хватало, чтобы жить отдельно. Теперь у нас останется то, что унесём на плечах.

— Согласна.

— Чёрт бы тебя побрал, Курт. Пусть едут с Люси. Но график из-за них не меняем. — Донован переводит взгляд на меня. — Опоздаете к отправке, ждать никто не будет. А если доставите хоть малейшее неудобство моим людям… пусть вышвырнут вас на полном ходу. Ясно?

Донован отворачивается и, уже уходя, бросает:

— И до отправки они на тебе, Курт.

Я смотрю ему вслед, не сразу веря, что разговор закончился. Хочется ещё раз переспросить, точно ли нас возьмут, но я боюсь, что он передумает. Люк всё ещё стоит рядом, и я медленно разжимаю ладонь на его плече. Мы уедем. Без машины и почти без запасов, но все вместе.

— Вот это да, — выдыхает Эмма, глядя на брата. — Ты совсем страх потерял?

Люк ничего не отвечает. Он всё ещё стоит прямо, но кулаки понемногу разжимаются. Опустив голову, он трёт ладони о джинсы.

Я протягиваю руку и сжимаю его плечо.

— Спасибо, — шепчу я.

— Наш босс — сложный человек, — говорит Курт, глядя вслед Доновану. — Но договариваться с ним можно.

— Мне показалось иначе, — усмехаюсь я.

— Машину он бы не отдал. — Курт пожимает плечами и смотрит на Люка. — Но ты его задел. Хорошо, что он остался послушать.

— Кто такая Люсинда? — спрашиваю я, переводя разговор.

— Сейчас познакомлю.

Курт улыбается и кивает в сторону массивных дверей ангара.

— Идите за мной.

Внутри тепло и душно. После улицы я не сразу привыкаю к полумраку. Сквозь пыльные окна под потолком пробиваются полосы света.

Поезд.

Он занимает почти весь ангар. Огромный, чёрный, с облупившейся краской на боках. От него доносится шипение, где-то вырывается струйка пара. Я невольно останавливаюсь.

Люк первым выдыхает:

— Ого…

— Это паровоз? — шепчет Эмма.

Она разглядывает состав и даже улыбается. Ещё недавно еле держалась на ногах, а теперь тянет шею, стараясь рассмотреть побольше.

У меня тоже бегут мурашки. Ещё недавно я стояла у пробитого бака и пыталась понять, сколько вещей мы унесём на себе. А здесь целый поезд. Я смотрю на рельсы, уходящие за ворота: неужели вечером мы действительно поедем по ним?

— Знакомьтесь, это Люсинда, — с гордостью говорит Курт. — Или просто Люси.

У колёс с шипением вырывается белый клуб пара. Люк вздрагивает и сразу смотрит на Курта.

— На ней правда можно ездить? — Люк делает шаг вперёд.

— Её готовят к рейсу. — Курт кивает. — Сегодня вечером отправится в Эшборн. Оттуда до Вашингтона раньше было около часа на машине.

— Так вот что ты имел в виду, когда говорил, что я всё пойму, — наконец догадываюсь я.

Курт кивает:

— Да. Ходим к нескольким лагерям, возим припасы, меняемся продовольствием. Пока пути целы, можем ездить.

— А это безопасно? — удивляюсь я. — Такая махина привлекает внимание и людей, и кусачих.

— Люсинда ходит только по проверенным путям и под серьёзной охраной, — спокойно отвечает Курт. — Мы укрепили её спереди и добавили броню по бокам. Не раз выручало. Донован не стал бы рисковать людьми, если бы не был уверен, что оно того стоит.

Я снова смотрю на Люсинду. В Эшборне всё равно придётся искать, на чём добраться до Вашингтона. Но до Эшборна мы хотя бы доедем на поезде. Я смогу сесть рядом с детьми и ненадолго закрыть глаза. От одной этой мысли хочется поскорее забраться в вагон.

— Какая же она… мощная, — выдыхаю я. — Просто невероятно.

— И сегодня вы на ней прокатитесь. — Курт улыбается.

Глава 4. Билет отсюда

Курт уходит через полчаса. Он оставляет нас под присмотром Рафаэля — главного механика, который поддерживает «Люсинду» в рабочем состоянии. Он не возражает против компании и позволяет нам расположиться в своей каморке прямо здесь, в ангаре.

Рафаэль слегка сутулится, его широкие плечи словно привыкли подстраиваться под изгибы машин. Когда он улыбается Рози, на его бронзовом лице проступает сеть морщин, а седые кудри забавно колышутся. Видно, что он в восторге от малышки, но взять её на руки не решается. Он просто стоит рядом, пряча за спину свои крупные, грубые ладони — будто боится сделать что-то не то.

Эмма и Люк тут же засыпают его вопросами, и Рафаэль с удовольствием включается в разговор.

— Люсинда — капризная дама, — говорит он с мягким южным акцентом, поправляя на переносице очки без одной дужки. — Если с ней говорить ласково, она поедет куда угодно. А если грубо, то встанет посреди дороги, и хоть плачь. Поэтому перед каждой отправкой мы ублажаем её, как можем. Проверяем все детали, смазываем, где нужно, прочищаем, подтягиваем.

— А когда она сможет отправиться? — не выдерживает Эмма, бесцеремонно располагаясь на застеленной железной кровати. Та недовольно скрипит под её весом.

— Люсинда всегда ездит по ночам. Так не видно дыма, да и мародерам сложнее ориентироваться в темноте. Поезд двинется, как только окончательно стемнеет.

— Так долго ждать! — сокрушается девушка, закатывая глаза.

Они ещё о чём-то говорят, а я решаюсь осмотреть комнату. Помещение довольно просторное — думаю, раньше это был какой-то склад. Кроме кровати, здесь поместился потрёпанный диван и стол, заваленный исписанными бумагами и чертежами. Вдоль стен стоят стеллажи, заставленные деталями, жестяными коробками и банками. На стене висят фотографии: от старых снимков с паровозами до глянцевых карточек со скоростными поездами. Под ними я замечаю граммофон с заклеенной трещиной на корпусе и стопку пластинок в бумажных конвертах. Блюз, джаз, Луи Армстронг и Элла Фицджеральд. Интересно, это всё здесь и было или Рафаэль собирал коллекцию сам? Сколько же времени у него на это ушло?

Здесь пахнет металлом и маслом, но пробивается и терпкий аромат кофе. Мой взгляд падает на потемневшую турку на небольшой газовой конфорке. Рядом стоит стеклянная банка с железными монетками — интересно, для чего они? На столе лежит фигурка поезда, вырезанная из дерева вручную. Судя по собственной комнате и всем этим мелочам, Рафаэль здесь на особом счёту у Донована.

На фоне лидера лагеря механик кажется просто душкой. Даже удивительно, как два таких противоположных человека смогли сработаться.

— Лин, — зовёт меня Люк.

Я оборачиваюсь и вижу, какими усталыми выглядят дети.

— Рафаэль говорит, тут есть столовая. Может, нам дадут поесть? — с надеждой спрашивает мальчик.

— Не хочу никуда идти, — жалобно тянет Эмма. — Мы почти не спали, я так устала.

— А я есть хочу, — твёрдо говорит Люк.

— Я тоже, — тут же вторит ему сестра.

— Сидите здесь, я схожу сама, — решаю я и направляюсь к выходу.

— Подожди, Эвалин, — останавливает меня Рафаэль и протягивает несколько помятых бумажек. — Это талоны на еду, я их не растратил. Можешь их обменять. А если будут вопросы, скажи, пусть обращаются ко мне или к Доновану.

Я замираю, глядя на его протянутую руку. Я не привыкла принимать помощь от незнакомцев. Это всегда казалось мне проявлением слабости. Но сейчас у меня нет выбора. Нас здесь никто не ждал, никто не позаботится о нас, кроме нас самих. И я действительно хочу есть.

— Спасибо, — тихо говорю я, принимая талоны.

Рафаэль возвращается к детям, а я выхожу из комнаты. Снова иду вдоль поезда, отмечая про себя, что всё это — реальность. Во мне теплится надежда, что скоро мы доберёмся до Вашингтона. Но сначала нужно сделать то, что я не могла сделать раньше: связаться с Майклом Грантом.

Выйдя на улицу, я осматриваюсь в поисках укромного места. В дальнем углу ангара замечаю гору старых шпал и обломки металлической обшивки. Отсюда не просматривается вышка, да и из основного здания обзор ограничен. Решаю, что это подходящий вариант.

На улице немноголюдно. Для тех немногих, кто встречается на пути, я не представляю интереса, поэтому без проблем дохожу до цели. Убедившись, что за мной не наблюдают, я ныряю в пространство между шпалами и забором. Обломки старого вагона, поросшие жёсткой травой, надёжно скрывают меня от посторонних глаз. Здесь тихо и сыро, но главное — над головой открытое небо, значит, помех для связи быть не должно.

Достаю спутниковый телефон. Руки дрожат, когда я выбираю из списка звонков последний номер. Оговоренное время уже давно прошло, солнце уже в зените. Какова вероятность, что Майкл всё ещё ждёт звонка?

Слышу долгие гудки. Нервно покусываю губы и в тот момент, когда уже начинаю терять надежду, на другом конце раздаётся щелчок.

— Шэрон? — Тот же властный голос, что и вчера.

— Майкл, это Лин, — выдыхаю я, стараясь звучать спокойно.

— У вас всё в порядке? Вы не вышли на связь в срок.

— Да. Просто… я не знаю, как тебе сказать.

— Что случилось? — В его тоне проскальзывает сталь.

— С детьми всё хорошо. Но… Шэрон…

Я запинаюсь. Перед глазами всплывают её лицо и та незакрытая дверь. Мои мысли затапливает вина, которую я старательно прячу на дне души, и она снова сдавливает грудь.

— Что с Шэрон? — Голос Майкла мгновенно напрягается.

— Её укусили, Майкл, — говорю я, чувствуя, как горло перехватывает спазм. — Она… Она погибла.

Наступает долгая, тяжёлая пауза. Я слышу только своё учащённое дыхание и стук сердца.

— Понял, — наконец произносит он. Голос звучит глухо, и я не могу определить, что за этим скрывается: шок или холодная решимость.

— Я соболезную… — Делаю слабую попытку смягчить удар.

— Не стоит, — обрывает он. — Я в неоплатном долгу перед тобой за то, что не бросила мою семью.

Я смущаюсь, но всё же решаюсь добавить:

— Её дочка жива. Мы назвали её Роуз.

— Боже… Как такое возможно?

Я молчу, не решаясь произнести правду о том, что Шэрон родила уже после того как вирус попал в её кровь.

— Мне пришлось принять роды, — коротко бросаю я.

Майкл молчит, ожидая подробностей, но я не нахожу в себе сил продолжать. Вместо этого перевожу тему:

— Мы ещё можем рассчитывать на приём на военной базе?

— Без вопросов, — тут же отвечает Майкл. — Можешь не сомневаться. Главное — доберитесь до Вашингтона.

— У нас небольшие трудности с этим.

— Говори, — командует Майкл.

— На нас напали, и мы потеряли машину. И все припасы. Но сейчас всё хорошо, мы в безопасности. Мы встретили людей. Их лидера зовут Донован. Не знаю, говорит ли это имя тебе что-нибудь. Они приютили нас на время.

— Донован? Я разузнаю о нем. Сейчас никому не стоит доверять. Где находится лагерь?

— Я думаю, мы недалеко отъехали. Железнодорожное депо Ред-Крик. В часе езды от Джексонвилля.

— Хорошо. — На фоне слышно шуршание бумаги. — Вам нужна машина.

— Мы нашли кое-что другое. Мы отправимся в Эшборн сегодня вечером… на поезде.

— На поезде? — В его голосе слышится неприкрытое удивление. — Не думал, что поезда ещё на ходу. Это может быть опасно. Ты уверена?

— Нет. Но люди Донована говорят, что процесс отлажен. Я своими глазами видела поезд, он внушает доверие. И, честно говоря, у нас нет другого выхода.

— Ладно. — Он снова шуршит бумагами. — Может, так даже лучше. Недалеко от Эшборна у меня есть свой человек, я отправлю его навстречу. Он даст убежище и присмотрит за вами. Дэвид Милтон. Запомни это имя.

— Дэвид Милтон. Поняла.

— Через двое суток я с командой прибуду в Эшборн. Если вас там не будет, подождём ещё день, не больше. О любых проблемах старайся сообщать сразу.

Я мельком смотрю на экран телефона.

— Заряда, наверное, хватит ещё на один звонок. Надеюсь, этого будет достаточно.

— Тогда побереги его. Позвони, когда будете на месте. — Майкл ненадолго замолкает. — Лин… Как там дети?

— Держатся. Люк помогает с Рози, Эмма… в своём репертуаре. Но она тоже молодец, — добавляю я уже мягче.

— Спасибо, что ты с ними.

— Это была последняя просьба Шэрон. — Горло перехватывает, но я продолжаю. — Я обещала отвести детей к тебе. Иначе я не могу.

Майкл молчит секунду, затем отвечает:

— Уверен, тебе это тоже далось нелегко. Обещаю, вы будете в безопасности, когда доберётесь до нас. Не только дети, но и ты тоже.

— Очень на это надеюсь. — Я сглатываю. — Значит, встретимся через два дня?

— Да. Берегите себя. Буду ждать звонка.

— Хорошо. До связи.

Я отключаю телефон и глубоко выдыхаю. В ту же секунду за спиной, совсем рядом, раздаётся шорох. Замираю и прислушиваюсь. Может, просто ветер? Но ощущение, что за мной наблюдают, не проходит.

Я выхожу из своего укрытия. Никого не вижу. У дальнего угла административного здания что-то мелькает и тут же скрывается за стеной. Показалось? Или кто-то действительно следил за мной? И слышал мой разговор?

Я заставляю себя отвлечься. Мы договорились с Майклом, теперь нужно найти столовую и купить еды. Обхожу здание и спрашиваю у прохожих. Меня направляют в главное здание, на второй этаж.

Внутри чисто и тихо. Поднимаюсь, и на мгновение кажется, будто всё как раньше. На подоконнике стоит старый радиоприёмник. Из динамика доносится тихое шипение помех, и я невольно замедляю шаг.

Коридор пуст. В тот день тоже поначалу было спокойно. А потом люди начали вести себя странно, бросаться друг на друга. Я до сих пор помню голос из динамиков машины — спокойный, уверенный. Он обещал нам новую жизнь…

Я возвращалась с занятий по стрельбе на очередной заказ по уборке в пригородных домах состоятельных клиентов. Моя старая «Королла» среди аккуратных домов и дорогих машин выглядела совершенно неуместно. Работа в ломбарде Нолана позволяла сводить концы с концами, а подработки — понемногу откладывать. Не на сияющий «Мерседес» или коллекционный «Корвет». Мне хватало и моей машины. Больше всего я хотела только выбраться из района, в котором жила.

Я взглянула на пистолет, торчащий из расстёгнутого рюкзака на соседнем сиденье, и глубоко вдохнула. Уборка в таких просторных домах даже успокаивала. Здесь я хотя бы не боялась за свою жизнь. Держать эмоции при себе, не болтать лишнего и хорошо выполнять работу — вот и всё, чего ждали от «идеального» персонала.

Был самый обычный день. Из динамиков негромко бубнило радио. Ведущие лениво обсуждали мировые новости:

— …Слышал об утечке в лаборатории «Хелиос» в Южной Каролине? — спросил один.

— Это там, где делают новую регенерирующую сыворотку? — отозвался второй.

— Да, и, по нашим сведениям, не обошлось без жертв. Пострадали трое учёных, и был выброс химикатов в грунт.

— Чем это грозит? Эта штука заразная?

— Компания утверждает, что всё под контролем и опасаться нечего. Давайте узнаем, так ли это? У нас сейчас на линии сам доктор Сайрус Грейвс, руководитель проекта «Хелиос». Доктор Грейвс, доброе утро!

Из динамика раздался третий голос, спокойный и собранный:

— Доброе утро, господа. Рад пообщаться с вами в этот прекрасный день.

— Доктор Грейвс, похоже, ни о чём не тревожится, — с лёгкой усмешкой заметил второй ведущий.

— Это уж точно, — поддержал первый, а затем обратился к учёному. — Доктор, наши слушатели немного взволнованы. Могли бы вы нас всех успокоить и объяснить, что там у вас произошло?

— Всего лишь технический инцидент, — уверенно ответил Грейвс. — Небольшой сбой системы охлаждения. Мы работаем над неисправностью, и я лично вас уверяю, никакой опасности нет.

— А как же сотрудники, которые пострадали?

— Троим понадобилась медицинская помощь. Сообщения об их состоянии сильно преувеличены. Они находятся под наблюдением наших специалистов.

— А сообщения об утечке?

— Повторяю: произошёл технический сбой. Оснований говорить об угрозе населению нет. «Хелиос» занимается восстановлением тканей, господа. Мы помогаем людям вернуться к нормальной жизни.

— Но ваши разработки предполагают вмешательство в ДНК человека. Разве это не связано с риском?

— Любое новое лечение связано с риском. Именно поэтому мы проводим испытания. Но нельзя бесконечно отказываться от возможностей только потому, что они нас пугают.

— И вы уверены, что последствия окажутся именно такими, как вы рассчитываете?

— Мы хорошо понимаем, что делаем, — ответил Грейвс. — Любая эволюция поначалу выглядит пугающе. Потом к ней привыкают.

— Эволюция? Мы ведь всё ещё говорим о лечении?

— Разумеется. Для человека, которому раньше нечем было помочь, это начало новой жизни.

Ведущий коротко откашлялся.

— Что ж, надеемся получить подробности о происшествии, когда закончится проверка. Спасибо, что вышли на связь, доктор.

— Всего доброго, господа. Уверен, скоро у нас будет ещё немало поводов для разговора.

— С нами был доктор Сайрус Грейвс из компании «Хелиос». Мы продолжим следить за сообщениями из Южной Каролины. А пока — музыка.

Ведущие пожелали удачи своему собеседнику и включили музыку.

Я потянулась к регулятору, чтобы прибавить громкость, на секунду отвлекшись от дороги. Когда подняла взгляд, вскрикнула и ударила по тормозам. Шины пронзительно завизжали, машина резко остановилась, и двигатель заглох.

На дороге стояла женщина в разорванном костюме, за спиной у неё прятались двое детей. Она смотрела на меня широко раскрытыми глазами и не двигалась.

В ту же секунду из ближайшего дома вылетел мужчина. Он двигался неестественно дёргано, подбородок и ворот рубашки были в тёмной крови.

На мгновение он замер, затем повернулся к женщине с детьми. Она попятилась, заслоняя их собой, а он двинулся следом. Я не понимала, что с ним, но по тому, как он тянул к ней руки, как скалил окровавленные зубы, было ясно: он собирается напасть.

Я схватила пистолет с соседнего сиденья и выскочила из машины.

— Стоять! — закричала я, направляя оружие на него.

Мужчина издал хриплый, клокочущий звук и бросился в мою сторону.

Мои руки дрожали. Я ждала, что он увидит пистолет и остановится. Неужели придётся стрелять? В человека?

Он стремительно приближался. Я опустила ствол ниже и нажала на спуск. От грохота сама вздрогнула. Попала в ногу. Господи, я действительно в него выстрелила.

Но он даже не замедлился. Я вскинула пистолет и выстрелила ещё раз — в грудь. Мужчина дёрнулся, на рубашке расползлось новое пятно, а он всё бежал ко мне. Почему? Как он вообще держится на ногах?

Женщина закричала. Мужчина был уже в нескольких шагах. Открытый рот, кровь на зубах, протянутые ко мне руки. Я попятилась, едва не ударившись спиной о машину. Нет. Только не подпускать его ближе.

Я подняла пистолет выше и снова нажала на спуск.

Пуля попала ему в лоб. Мужчина рухнул на дорогу, а я всё ещё держала оружие перед собой. Ждала, что он пошевелится. В ушах звенело, женщина что-то кричала, но я не разбирала слов.

Я только что выстрелила человеку в лицо.

Я видела его на асфальте, видела пистолет в своих руках, но никак не могла поверить, что это сделала я. Ещё несколько минут назад ехала на работу. Сейчас должна была доставать из багажника ведро и тряпки.

Где-то неподалеку раздался ещё один рев, затем — чавканье. Я обернулась. У соседнего дома над лежащим на земле человеком склонилась женщина. Когда она подняла голову, меня едва не вывернуло: с её лица свисали лоскуты кожи, рот был в крови. Она заметила меня, неловко поднялась и бросилась в мою сторону.

— Быстрее, в машину! — закричал кто-то рядом.

Но я не могла пошевелиться. Смотрела, как она подходила всё ближе, и крепче сжимала пистолет. Позади кто-то безуспешно пытался завести машину. Двигатель не заводился, а женщина с окровавленным ртом была уже в нескольких шагах.

— Уходи! Что ты делаешь?! — крикнули мне, а затем: — Дети, вылезайте! Быстро в машину Тревора!

Я отступила на шаг. Ещё немного и она доберётся до меня. Инстинкт выживания оказался сильнее оцепенения. Я выстрелила ещё трижды, пока она не затихла. В ответ на выстрелы раздался вой. Сначала возле домов, потом где-то за спиной. Я резко оглянулась. Их было слишком много.

Рядом с визгом затормозил огромный современный пикап.

— Садись! — приказала женщина за рулём. На заднем сиденье сидели испуганные дети. — Живее!

Я рванула к ним, на ходу запрыгивая на пассажирское сиденье, пока мир вокруг превращался в кровавый кошмар.

Вздрагиваю и моргаю, стряхивая нахлынувшие образы. Пальцы до боли сжимают подоконник. Сейчас я здесь, в безопасности.

С тех пор прошло всего два месяца. Всего два месяца, а кажется, миновала целая вечность. Я стою у открытого окна на втором этаже гораздо дольше, чем собиралась, вглядываясь в пустоту. Уже хочу развернуться и идти к кухне, когда снизу, с улицы, доносится резкий звук.

Осторожно выглядываю вниз и тут же резко отстраняюсь, прижимаясь спиной к стене. Сердце делает тяжёлый кувырок.

Внизу, в густой тени за бочками, стоят двое. Один из них — Мерфи, его силуэт я узнаю сразу, а вот второго сверху разглядеть сложно. Они говорят вполголоса, почти шёпотом.

Я замираю, боясь пошевелиться, и превращаюсь в слух.

— Какого чёрта ты тут забыл? — доносится снизу разъярённый шёпот Мерфи.

— А ты сам как думаешь? — Собеседник отвечает спокойно, с ленивой издёвкой. — Работаю.

— Как тебя вообще пропустили?

— Пришлось устроить небольшое шоу у ворот. Приманил кусачих прямо к забору. — Незнакомец издаёт тихий смешок. — Пришлось пустить кровь паре новичков, чтобы твари были поактивнее. Но это того стоило.

Внутри всё холодеет. Он скормил своих людей кусачим просто для прикрытия? Чтобы попасть сюда?

— Ты рехнулся? Я сам был за воротами! Мы чуть не нарвались на них! — Мерфи шипит, и я чувствую, как в его голосе закипает ярость.

— Твои проблемы, — отрезает тот. — От тебя ни звука целую неделю. Дебора говорит, ты размяк. Обжился в тёплом местечке, завел друзей… Похоже, она не ошиблась. Ты просто струсил, Мерфи.

Раздаётся резкий шорох, звук удара о металлическую бочку и глухое кряхтение. Судя по звуку, Мерфи впечатал парня в стену.

— Послушай меня. — Голос Мерфи становится ледяным и пугающе ровным. — Я могу свернуть тебе шею прямо здесь и сказать Доновану, что поймал лазутчика. Кому он поверит? Тебе, пришедшему из леса, или мне — тому, кто сегодня отправляется с его правой рукой на поезде за припасами? Я для них уже свой, а ты… просто мясо.

— Пусти… — слышится сдавленный, хриплый ответ. Снова возня, звук трения одежды о бетон. — Дебора дала мне приказ.

— Передай Деборе: я всё решу сам. Скоро. А теперь проваливай, пока я не передумал, — бросает Мерфи.

На мгновение наступает тишина.

— Ты, кажется, не понял, — с ненавистью шипит незнакомец, и в его голосе теперь нет и тени спокойствия. — Я здесь не для того, чтобы передать тебе сообщение. Я здесь, чтобы закончить то, что не смог ты.

Слышу, как незнакомец разворачивается, и его шаги быстро удаляются.

— Чтоб тебя… — шепчет Мерфи.

Раздаётся звонкий удар. Он со всей силы пинает пустую бочку. Я испуганно отшатываюсь от окна. И вовремя. На лестнице слышатся тяжёлые шаги, и в коридоре появляются двое. Впереди идёт Курт.

— О, новенькая! — произносит он так громко, что его, наверное, слышно даже во дворе. — Ты чего здесь? Потерялась?

Ещё не отойдя от подслушанного разговора, я не сразу киваю:

— Да, ищу столовую. Рафаэль сказал, здесь можно получить паёк на меня и детей.

— Пойдём, я как раз туда. Помогу разобраться, а то наши на раздаче не слишком разговорчивы.

Я отвожу взгляд, и внутри поднимается глухое недоверие. С чего бы ему помогать мне? Мы едва знакомы. Сначала он выручил меня в лесу, потом вступился перед Донованом, а теперь это.

— Спасибо, — отвечаю я. — Ты уже достаточно сделал.

— Тогда поможешь мне в следующий раз. — Курт усмехается.

— Если смогу.

— Если сможешь, — легко соглашается он.

Курт кивает и идёт дальше по коридору. Я немного отстаю, потом всё-таки следую за ним.

Мы входим в столовую. Здесь тепло, пахнет луком, хлебом и жареным мясом. Я невольно замедляю шаг. До катастрофы даже не обратила бы внимания на эти запахи, а сейчас хочется просто постоять и подышать ими. Желудок сводит от голода, и он громко урчит. Я прижимаю к нему ладонь. Господи, сейчас я могла бы съесть что угодно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.